
Феноменология сегодня: исторические проблемы и современные тенденции. Возвращаясь к дискуссии 1988 года (материалы «круглого стола»)*

© 2024 г. Б.И. Пружинин^{1**}, Н.А. Артеменко^{2***}, М.А. Белоусов^{3****},
В.В. Васильев^{4*****}, И.С. Курилович^{5*****}, И.А. Михайлов^{6*****},
В.И. Молчанов^{7*****}, А.Б. Паткуль^{8*****}, А.И. Резниченко^{9*****},
А.Э. Савин^{10*****}, Г.И. Чернавин^{11*****}, Е.А. Шестова^{12*****},
Т.Г. Щедрина^{13*****}

^{1, 6, 13} *Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.*

² *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Университетская набережная, д. 7–9; Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, 634050, пр. Ленина, д. 36.*

^{3, 5, 7, 9, 12} *Российский государственный гуманитарный университет
Москва, 125993, Миусская пл., д. 6.*

⁴ *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет,
Москва, 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.*

⁸ *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
199034, Университетская набережная, д. 7–9.*

¹⁰ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(РАНХиГС), Москва, 119571, проспект Вернадского, д. 82; Московская школа управления
«Сколково», Московская обл., Сколково, 143025, ул. Новая, д. 100; Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Томск, 634050, пр. Ленина, д. 36.*

¹¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4.*

** E-mail: prubor@mail.ru

*** E-mail: n.a.artemenko@gmail.com

**** E-mail: mishabelous@gmail.com

***** E-mail: vadim.v.vasilyev@gmail.com

***** E-mail: ikrlvtch@gmail.com

***** E-mail: ia.mikhaylov@gmail.com

***** E-mail: victor.molchanov@googlemail.com

***** E-mail: a.patkul@spbu.ru

***** E-mail: annarezni@yandex.ru

***** E-mail: savinae2018@gmail.com

***** E-mail: gchernavin@hse.ru

***** E-mail: eschestowa@gmail.com

***** E-mail: tannirra@mail.ru

---

* Публикации В.И. Молчанова, М.А. Белоусова, Е.А. Шестовой, А.И. Резниченко, Г.И. Чернавина, И.С. Куриловича подготовлены в Российском государственном гуманитарном университете в ходе работы над научным проектом «Мир, язык, реальность: европейская и русская философия в концептуальном и терминологическом измерении», финансируемым Российским научным фондом (проект № 23-18-00802).

Поступила 03.06.2024

В апреле 2024 г. состоялся круглый стол «Феноменология сегодня: исторические проблемы и современные тенденции. Возвращаясь к дискуссии 1988 года», посвященный обсуждению актуальных проблем феноменологических исследований в контексте исторического развития феноменологии в ХХI в. Организаторами круглого стола стали журнал «Вопросы философии», Центр феноменологической философии философского факультета РГГУ, а также участники проекта РФ «Мир, язык, реальность: европейская и русская философия в концептуальном и терминологическом измерении». В работе круглого стола приняли участие ведущие феноменологи, историки философии, эпистемологи. В центре их внимания оказались материалы дискуссии «Феноменология и ее роль в современной философии» (Вопросы философии, 1988, № 12). Обсуждались следующие темы: как оценить прошедшие тридцать шесть лет в мировом и отечественном феноменологическом движении? как изменилась предметная конфигурация феноменологии как области исследований? каковы направления современных феноменологических дискуссий, специфика феноменологического метода и границы феноменологического описания? можно ли сказать, что феноменологический метод сегодня применяется в гуманитарных и естественных науках и если да, то насколько это эффективно? что происходит сегодня в феноменологии, какие последние дискуссии актуальны? феноменология и аналитическая философия: каковы перспективы и возможности сопоставления? какова роль феноменологии в становлении эпистемологических и онтологических традиций русской философии, что изменилось в этой области за 36 лет? Стержнем дискуссий, завязавшихся при обсуждении указанных вопросов, стала проблема соотношения исторической реальности и языка философии, а также осмысление ценности феноменологических стратегий в образовании и научной деятельности.

Ключевые слова: феноменология, Э. Гуссерль, язык философии, феноменологическое движение, сознание, реальность, наука, историзм.

DOI: 10.21146/0042-8744-2024-9-5-39

Цитирование: Пружинин Б.И., Артеменко Н.А., Белоусов М.А., Васильев В.В., Курилович И.С., Михайлов И.А., Молчанов В.И., Паткуль А.Б., Резниченко А.И., Савин А.Э., Чернавин Г.И., Шестова Е.А., Щедрина Т.Г. Феноменология сегодня: исторические проблемы и современные тенденции. Возвращаясь к дискуссии 1988 года (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2024. № 10. С. 5–39.

Phenomenology Today: Historical Problems and Contemporary Trends. Returning to the 1988 Discussion ("Round Table" Materials)*

© 2024 Boris I. Pruzhinin^{1**}, Natalia A. Artemenko^{2***}, Mikhail A. Belousov^{3****},
Vadim V. Vasilyev^{4*****}, Ivan S. Kurilovich^{5*****}, Igor A. Mikhaylov^{6*****},
Victor I. Molchanov^{7*****}, Andrei B. Patkul^{8*****}, Anna I. Reznichenko^{9*****},
Alexey E. Savin^{10*****}, Georgy I. Chernavin^{11*****}, Evgenia A. Shestova^{12*****},
Tatiana G. Shchedrina^{15*****}

^{1, 6, 13} *Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

² *Saint Petersburg State University,
7-9, Universitetskaya emb., 199034, Saint Petersburg, Russian Federation;
National Research Tomsk State University, 36, Lenin av., Tomsk, 634050, Russian Federation.*

^{3, 5, 7, 9, 12} *Russian State University for the Humanities,
6, Miusskaia sq., Moscow, 125993, Russian Federation.*

⁴ *Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovskiy av., GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.*

⁸ *Saint Petersburg State University,
7-9, Universitetskaya emb., 199034, Saint Petersburg, Russian Federation.*

¹⁰ *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation (RANEPA), 82, Vernadskogo av., Moscow, 119571, Russian Federation;
Moscow School of Management "Skolkovo", 100, Novaia str., 143025, Skolkovo, Russian Federation;
National Research Tomsk State University, 36, Lenin av., Tomsk, 634050, Russian Federation.*

¹¹ *National Research University Higher School of Economics,
21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.*

^{**} *E-mail: prubor@mail.ru*

^{***} *E-mail: n.a.artemenko@gmail.com*

^{****} *E-mail: mishabelous@gmail.com*

^{*****} *E-mail: vadim.v.vasilyev@gmail.com*

^{*****} *E-mail: ikrlvtch@gmail.com*

^{*****} *E-mail: ia.mikhaylov@gmail.com*

^{*****} *E-mail: victor.molchanov@gmail.com*

^{*****} *E-mail: a.patkul@spbu.ru*

^{*****} *E-mail: annarezn@yandex.ru*

^{*****} *E-mail: savinae2018@gmail.com*

^{*****} *E-mail: gchernavin@hse.ru*

^{*****} *E-mail: eschestova@gmail.com*

^{*****} *E-mail: tannirra@mail.ru*

---

* The publications by V.I. Molchanov, M.A. Belousov, E.A. Shestova, A.I. Reznichenko, G.I. Chernavin, and I.S. Kurilovich were prepared at the Russian State University for the Humanities during work on the scientific project "World, Language, Reality: European and Russian Philosophy in Conceptual and Terminological Dimensions", funded by the Russian Science Foundation (project No. 23-18-00802).

In April 2024, a round table titled “Phenomenology Today: Historical Problems and Contemporary Trends. Returning to the 1988 Discussion” was held, dedicated to discussing current problems in phenomenological research in the context of the historical development of phenomenology in the 21st century. The round table was organized by the journal “Voprosy Filosofii”, the Center for Phenomenological Philosophy of the Faculty of Philosophy of RSUH, as well as participants in the Russian Science Foundation project “World, Language, Reality: European and Russian Philosophy in Conceptual and Terminological Dimensions”. Leading phenomenologists, historians of philosophy, and epistemologists participated in the round table. The focus was on the materials of the discussion “Phenomenology and Its Role in Contemporary Philosophy” (Voprosy filosofii, 1988, No. 12). The following topics were discussed: How can the past 36 years in the global and domestic phenomenological movement be assessed? How has the subject configuration of phenomenology as a field of study changed? What are the directions of contemporary phenomenological discussions, the specifics of the phenomenological method and the limits of phenomenological description. Can it be said that the phenomenological method is applied today in the humanities and natural sciences, and if so, how effective is it? What is happening today in phenomenology, and what are the current discussions? Phenomenology and analytic philosophy: prospects and possibilities for comparison. The role of phenomenology in the formation of epistemological and ontological traditions in Russian philosophy. What has changed in this field over 36 years? The core of the discussions, sparked by the questions posed, became the problem of the relationship between historical reality and the language of philosophy, as well as the understanding of the value of phenomenological strategies in education and scientific activities.

Keywords: phenomenology, E. Husserl, language of philosophy, phenomenological movement, consciousness, reality, science, historicism.

DOI: 10.21146/0042-8744-2024-10-5-39

Citation: Pruzhinin, Boris I., Artemenko, Natalia A., Belousov, Mikhail A., Vasilyev, Vadim V., Kurilovich, Ivan S., Mikhaylov, Igor A., Molchanov, Victor I., Patkul, Andrey B., Reznichenko, Anna I., Savin, Alexey E., Chernavin, Georgy I., Shestova, Eugenia A., Shchedrina, Tatiana G. (2024) ‘Phenomenology Today: Historical Problems and Contemporary Trends. Returning to the 1988 Discussion (‘Round Table’ Materials)’, *Voprosy filosofii*, Vol. 10 (2024), pp. 5–39.

Щедрина: Добрый день, дорогие коллеги! В 1988 г. в журнале «Вопросы философии» состоялся первый круглый стол по проблемам феноменологии. И сегодня нам хочется понять, что изменилось за прошедшие тридцать шесть лет: какие темы и исследования появились у нас в этой области.

Пружинин: Хочу еще раз напомнить, что круглый стол – это не конференция. Это попытка выяснить, что волнует нас сегодня в феноменологии, соотнося ее нынешние проблемы с историческим развитием этой сферы философского знания.

Щедрина: Мы предоставляем слово Виктору Игоревичу Молчанову, руководителю гранта РФФ «Мир, язык, реальность: европейская и русская философия в концептуальном и терминологическом измерении».

Молчанов: Небольшая ремарка: я единственный из здесь присутствующих, кто участвовал в дискуссии 1988 г.

Итак: новый этап истории феноменологии в России, точнее в СССР, начался в 1960 г. с публикации книги Константина Спиридоновича Бакрадзе «Очерки по истории новейшей и современной буржуазной философии» [Бакрадзе 1960]. И затем в 1960-е гг. одна за другой были изданы две важные книги, о которых некоторые ныне

пишущие авторы почему-то забывают. Это «Воображение и теория познания» Юрия Михайловича Борода [Бородай 1966] и «Проблема “экзистенциального кризиса” и трансцендентальная феноменология Эдмунда Гуссерля» Зураба Мефодьевича Какабдзе [Какабдзе 1966], причем последняя написана на уровне современных исследований. А упомянутый уже круглый стол 1988 г. явился кульминацией этого этапа. Кроме того, в тот же период благодаря инициативе Нелли Васильевны Мотрошиловой возникли рижское и вильнюсское феноменологические сообщества. Кстати, в 1988 г. многие их участники присутствовали и выступали на круглом столе. Также с 1981 по 1991 г. было издано пять сборников статей по феноменологии и герменевтике.

Теперь посмотрим, что же произошло с тех пор? Произошла смена нашего общества, и поэтому стали возможны изменения в философии (проблемного, языкового порядка). 1988 г. памятен для меня еще и потому, что вышла моя первая книга «Время и сознание. Критика феноменологической философии». Но тогда я не критиковал феноменологическую философию, а вот сейчас критикую. Почему? Переводческая и журнальная деятельность, конечно, определенным образом насытила читающую публику, преподавателей и студентов. В 1991 г. возник журнал «Логос», и у нас сохраняется устойчивый интерес к феноменологии Гуссерля. Однако кроме «Логических исследований», «Кризиса европейских наук», «Картезианских медитаций», «Лекций по феноменологии времени», первой книги «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» и ряда статей и докладов ничего не перевели за это время. Кроме того, перевод «Идей к чистой феноменологии» не соответствует стандартам научного перевода, это скорее черновик, как отметила Мотрошилова, который автор перевода не успел довести до приемлемого уровня. Это недостаток, который надо восполнить, но никто не хочет переводить. Это серьезная работа – а никто не хочет давать на это гранты. А мы все-таки думаем и пишем по-русски, поэтому и для читателей, и для исследователей важны тексты на русском языке.

Теперь скажу о некоторых насущных проблемах. Во-первых, это не только проблемы узкого феноменологического сообщества (да его и не существует в таком узком виде). В целом, я бы сказал, конгломерат многообразной литературы различных направлений – французской философии, английской и американской аналитической философии – помимо пользы информационного порядка создал дискурсивный хаос в нашей философии. Теперь каждый может говорить на любом языке о чем угодно. А ведь феноменология в классическом ее варианте (Брентано, Гуссерль, Хайдеггер) обращает внимание на язык, на котором пишутся философские труды, а значит, возникает большая задача анализировать не только концепции, но и язык этих концепций. При этом если брать только труды Гуссерля, то это 42 тома Гуссерлианы, а также другие примыкающие издания, не считая работ исследователей разных кругов и времен. Это материал, благодатный для тех, кто хочет исследовать, как менялся язык и каким образом (в этом одна из важнейших проблем) каждый из философов выстраивал свою историю – воображаемую историю, соответствующую его общим философским воззрениям. Например, Гуссерль, отрицательно отнесшийся к историзму в статье «Философия как строгая наука», в «Кризисе европейского человечества» выстроил собственную историю абстракций, которая, как он полагает, начинается в Древней Греции. Благодаря Гегелю, Дильтею и Шпету историзм считался абсолютным благом. Но историзм бывает в явном и неявном виде, и с ним также нужно разбираться в плане терминологии. Терминологический анализ исходит прежде всего из базисного различия, а именно, что одно и то же слово может выражать разные термины. Шпет обратил внимание на то, что «Я» это омоним. Так почти каждый термин – это омоним! Термин «трансцендентальный» у Канта и термин «трансцендентальный» у Гуссерля могут быть приведены к какой-то точке соприкосновения, но это разные термины, хотя слово одно и то же.

Итак, три основных момента, на которые я хотел бы обратить внимание. Во-первых, недостаток переводов классических и современных философских текстов вкупе с плохим качеством немалого количества переводов. Во-вторых, псевдоисторизм, который продолжает господствовать в историко-философских исследованиях: вместо

анализа аргументации ставится задача причисления той или иной концепции к тому или иному течению или направлению. В-третьих, недостаточное внимание к языку философии. Анализ языка философии не сводится, конечно, к терминологическому анализу, но последний играет существенную роль в анализе языка вообще.

Щедрина: Виктор Игоревич, огромное спасибо Вам за доклад и за упоминание Шпета. «Историзм» тоже можно считать таким омонимом. Историзм, как Вы говорите, опасен и не опасен – имеете ли Вы в виду два разных историзма?

Молчанов: В этом надо разбираться каждый раз. Конечно, не доводя до «пуэнтлизма» – иначе история философии перестанет существовать как дисциплина. Но она должна перестать существовать и по образцу гегелевской истории философии. А мы до сих пор живем в ней: вся история движется от досократиков к Делёзу или Деррида. В этом плане перед нами опасный историзм: тогда все «персонажи» становятся трансценденталистами или феноменологами. Например, на круглом столе 1988 г. Мераб Константинович Мамардашвили бросил фразу, что, мол, феноменология присутствует в каждой философии, и это высказывание было оценено как нечто позитивное. Но я нашел в нем и другой, негативный смысл: тогда феноменология – это что-то тривиальное, то, что везде и повсюду. Что имел в виду Мераб Константинович? Я думаю, и то, и другое, и это была ирония... А некоторые исследователи приняли все всерьез. Мой коллега Владимир Валентинович Калининченко, который много сделал для продвижения нашего сообщества, тоже считал, что *всякая* философия трансцендентальна. Однако вопрос в том, как в данном тезисе работает термин «трансцендентальный», не превращается ли он здесь в нечто метафизически реальное, в какую-то силу, которая покрывает пространство и времена и под которую можно подвергать все, что угодно.

Пружинин: Спасибо. Татьяна Геннадьевна, кто у нас еще выступит?

Щедрина: Я думаю, мы дадим слово Наталье Андреевне, поскольку она возглавляет отечественный феноменологический журнал «Horizon. Феноменологические исследования», держит руку на пульсе всех феноменологических исследований, общается с мировым сообществом.

Артемenco: Добрый день, коллеги! Спасибо за приглашение на этот круглый стол. Я, признаться, о регламенте не подумала и подготовила основательное выступление минут на сорок, но постараюсь в десять минут уложиться и пунктирно, в телеграфном, так сказать, стиле обозначить некоторые важные моменты. Я, конечно, внимательно перечитала обсуждение на круглом столе 1988 г., и, надо сказать, совершенно другими глазами, чем, скажем, 15 лет назад. Перечитала также еще несколько статей, в частности, недавнюю статью Игоря Анатольевича Михайлова «Идеология, экзистенциализм и феноменология» [Михайлов 2023]. Игорь Анатольевич ставит перед собой интересную задачу рассмотреть основные закономерности рецепции феноменологии и экзистенциализма в советской философии (1940–1960 гг.) и, выдвигая тезис, что таковая рецепция складывалась на основании целого ряда мифов, намеревается их развенчать. Некоторые из этих мифов еще находятся на стадии формирования, некоторые уже сложились, а на какие-то теперь ссылаются как на всем хорошо известные, «общепризнанные» факты [Там же, 132]. Михайлов считает, что пришло время приступить к развенчанию хотя бы некоторых из них. Я процитирую: «Удивительно, но эти мифы касаются едва ли не всех сторон истории того, что происходило с феноменологией, преломляемой советским сознанием... Героические годы освоения феноменологии в 60–70-х, имевшие огромное значение для того, чтобы исследование философии этого типа могло развиваться до историко-философской науки нормального типа, которую мы можем наблюдать уже в 80–90-х, но которая вполне проявилась с 2000 по 2020 г., – эта традиция начиная с 2022 г. достигла своего определенного завершения. <...> Ввиду отмеченных выше особенностей рецепции феноменологии, формирование взглядов на нее оказалось связанным с большим количеством специфических для русскоязычных исследований клише и стереотипов, которые сохранились и после того, как отпали идеологические причины, отчасти способствовавшие их возникновению. Эти клише и стереотипы – а иногда даже и мифы – оказываются достаточ-

но живучими и по сей день» [Михайлов 2023, 132]. (Позволю себе попутную ремарку: для меня принципиально не проясненным оказался тезис о завершении традиции к 2022 г. Почему не к 2010, почему не к 1999? Возможно, это имело бы смысл обсудить). Так вот, Игорю Анатольевичу видится необходимым проследить накапливающиеся ошибки интерпретаций философских тем – ошибки, на которые даже «спустя 60 лет... так никто и не обратил внимания, которые становятся основой для дальнейших исследований» [Михайлов 2023, 181]. В статье упоминаются только некоторые из них, причем как раз те, которые, на мой взгляд, уже давно исправлены. Возможно, есть те, которые мы, поместив их в какую-то «серую зону» нашего внимания, попросту не замечаем, поэтому мне очень хотелось бы, чтобы Игорь Анатольевич указал нам на них. В целом возникает ощущение, что автор данной статьи хочет объявить войну за «чистоту» феноменологии и ее «подлинное» понимание, но насколько возможно претендовать на это *подлинное* понимание, для меня тоже остается большим вопросом.

Следующий момент: готовясь к круглому столу, я перечитала статью Алексея Эдуардовича Савина о развитии феноменологической философии в современной России [Савин 2015]. Алексей Эдуардович выдвигает тезис, что основные исследования отечественных философов, посвященные феноменологии, принимают, или начинают принимать, форму единого феноменологического движения в конце советской эпохи. Событие поддается датировке: это 1988–1989 гг. В целом тезис, конечно, понятен, если учесть, что действительно коренные изменения начинаются в 1988 г. после круглого стола по феноменологии. У меня, однако, тоже вопрос, который можно вынести на обсуждение на этом круглом столе: действительно ли мы можем говорить о формировании некоего *единого* феноменологического движения? Для меня этот тезис остается спорным, но, возможно, Алексей Эдуардович откликнется на мой вопрос и прояснит его.

В свою очередь, я бы откликнулась на то, что сказал сейчас Виктор Игоревич. Действительно, переводческая проблема стояла перед нами все эти годы и стоит до сих пор, но раньше мы все-таки старались организовывать выездные семинары, посвященные проблемам перевода, и их было достаточно много. Я знаю, что Георгий Игоревич вел и, возможно, и сейчас ведет такие переводческие семинары со своими студентами и аспирантами, но в целом мне кажется, что этого все равно недостаточно. Отчасти мы пытались компенсировать эту проблему на страницах нашего журнала, в котором регулярно публикуем переводы различных феноменологических текстов с развернутыми комментариями и предисловиями переводчиков. Акцент на переводах мы ставили с самого начала основания журнала в 2011 г. А в 2018 г. возникла идея отобрать переводы и в доработанном виде опубликовать их в тематических сборниках, что мы и сделали в 2019 г. Под рубрикой «Феноменология: современные переводы» мы опубликовали переводы важнейших феноменологических текстов, написанных как классиками феноменологии (Гуссерль), так и ведущими ее представителями (Беккер, Гайгер, Дюфрен, Рикёр, Гадамер, Ришир, Шнелль), а также комментарии к ним. Тексты, опубликованные в данной рубрике, поделены на три группы. Первая из них объединяет тексты, посвященные одной из самых сложных тем в феноменологии – теме времени. Вторая и третья части рубрики посвящены феноменологической эстетике (см.: [Артеменко ред. 2019^а; Артеменко ред. 2019^б; Артеменко ред. 2019^в]). Однако проблема перевода остается актуальной, поскольку многие имена до сих пор не «открыты» для русскоязычной публики и не введены в оборот, в русскоязычный оборот. Еще раз повторю: я до сих пор вижу необходимость в такой переводческой работе и обсуждении проблем перевода понятий, обсуждении терминологических проблем.

Если посмотреть на интересы наших зарубежных коллег (а наш журнал публикуется на четырех языках, и примерно 70% авторов у нас были иностранные авторы, по крайней мере, до 2023 г. так было), то мы увидим, что интерес у них именно к истории феноменологического движения. Это же видно и по деятельности Общества феноменологии в Центральной и Восточной Европе (*Central and East European Society for Phenomenology (CEESP)*), созданного в 2016 г. по инициативе нашего коллеги из Польши Витольда Плотки. Целью Общества является координация исследований и организация ежегодных конфе-

ренций на тему «Традиции и перспективы феноменологического движения в Центральной и Восточной Европе» и других мероприятий, связанных с феноменологией и смежными традициями. Так вот, в течение последних лет можно было наблюдать растущий интерес к исследованиям, посвященным раннему феноменологическому движению.

Отмечу и собственный интерес. Так получилось, что с Нелли Васильевной Мотрошиловой мы с 2014 г. начали работать над ее архивом, и у меня возникла идея оцифровать ее лекции, которые она читала в 1980-х гг. Предстояло разобрать большое количество папок с рукописными листами, отобрать то, что представляло особенный интерес и напрямую относилось к лекциям рижского периода (а именно эти лекции и заинтересовали меня). Почему меня заинтересовали лекции именно этого периода? Обращение к контексту, к истории освоения феноменологии, к традиции феноменологических исследований, как они сложились в России за последние тридцать-сорок лет, совершенно необходимо. И наброски к лекциям 1980-х гг. Нелли Васильевны возвращают нас снова к вопросу о том, «как» возможна феноменология. Это «как» является внутренним ядром самой феноменологии, на это «как» прицельно обращает свое внимание и Нелли Васильевна в своих записях 1980-х гг., актуальность которых была для меня совершенно очевидной. Эти наброски в конечном итоге заставляют нас снова и снова ставить под вопрос стандарты работы в феноменологии, то «как», определяющее саму феноменологию и нашу способность быть причастной ей.

И последнее. В 2011 г. мы проводили на философском факультете СПбГУ круглый стол, на котором представляли номер «Логоса» по феноменологии и пытались сами ответить на вопросы: как видится современная ситуация в России в связи с феноменологией и в связи с феноменологическими исследованиями, с их уровнем, профессионализмом? И я хорошо помню реплику нашего коллеги Романа Анатольевича Громова из Ростова-на-Дону. Он тогда сказал, что академическая философия по определению должна быть не интересной и не эксклюзивно-оригинальной. То есть она должна придерживаться дисциплины, стандартов. У нас же много оригинальных идей, а общепризнанных норм и стандартов работы – нехватка. Вот в чем мы испытываем дефицит. А ведь величайшее завоевание феноменологии, наследие феноменологической традиции в том и состоит, что это то редкое направление в философии, в том числе и в отечественной философии, где действительно состоялась дисциплинарная история, где мы имеем дело с дисциплиной в строгом смысле слова. Современная феноменология до сих пор во многом является исследованием истории феноменологии, классиков феноменологии. И здесь мы близки нашим западным коллегам. Но различие все же есть и прежде всего качественное: по уровню исследований, уровню эрудиции, знания и освоения текстов. Наверное, это та ситуация, из которой мы можем исходить. На том и остановлюсь.

Щедрина: У меня есть вопрос. Наталья Андреевна, как Вы можете в паре предложений определить динамику проблематики в вашем журнале: куда сдвигается феноменологический интерес, только ли к истории феноменологии? А если предметно посмотреть? Какие области захватываются?

Артемченко: Это можно увидеть даже по тематическим выпускам журнала. История феноменологического движения в Восточной Европе вызывает особый интерес. В 2016 г. вышел тематический номер «Традиции и перспективы феноменологического движения в Центральной и Восточной Европе» (вып. редактор: Витольд Плотка). В 2018 г. – номер, посвященный теме «Трансцендентальная философия и феноменология» (вып. редакторы: Клодия Сербан и Юлиан Апостолеску). Далее, интересная тема из разряда «открытие новых имен» – номер 2021 г. «Женщины в феноменологии: Хедвиг Конрад-Мартиус, Эдит Штайн, Герда Вальтер» (вып. редакторы: Ронни Мирон и Симона Бертолини). В прошлом году (2023) Георгий Чернавин подготовил выпуск «Феноменология и структурализм». В том же году был выпуск, посвященный теме «Рецепция феноменологии в Испании и Латинской Америке» (вып. редакторы: Хесус Диас Альварес и Хесус Гильермо Феррер). То есть так или иначе можно два направления зафиксировать: одно – междисциплинарное: условно говоря, феноменология и что-то еще, включая сложности выяснения этой конъюнкции, и второе – нацеленное

на изучение самого феноменологического движения, в том числе на открытие тех имен, которые до сих пор в постоянный оборот не были введены. Наверное, две такие генеральные линии я бы обозначила.

Пружинин: Спасибо, двинемся дальше, но, может быть, сначала Игорю Анатолевичу надо ответить Наталье Андреевне?

Щедрина: Я бы все же предложила обратиться сначала к вопросу о соотношении феноменологии и аналитической философии и предоставить слово Вадиму Валерьевичу Васильеву.

Васильев: Когда я смотрел дискуссию 1988 г., меня заинтересовало два момента. Во-первых, мысль о том, что феноменологи после Гуссерля (эта мысль у многих там звучит) стали применять феноменологические методы ко все новым и новым областям. А во-вторых, мысль, которую Виктор Игоревич сегодня упомянул и которую высказал Мамардашвили (и которая может рассматриваться как радикализация первой мысли о расширении применения феноменологии): феноменологическое можно рассматривать как момент любого философского размышления. Для меня две эти мысли составляют ядро тогдашней дискуссии. Я должен сказать, что я совершенно не разделяю позитивную тональность этих мыслей, которая в той дискуссии звучала, и Виктор Игоревич тоже не разделяет, как я понял. Дело в том, что феноменология, прежде всего феноменология Гуссерля, это проект, ценный своей априорной чистотой и радикальностью. Его привлекательность в том, что, заключив в скобки мир и задавшись целью изучать сущностные структуры сознания, Гуссерль открыл наиболее ценное, по крайней мере для меня, – открыл путь для философии как строгой науки, способ спасения философии как строгой науки. Поэтому я считаю, что о реальном развитии феноменологического проекта можно и нужно говорить именно в контексте этих радикальных установок. Если какой-то феноменолог, вроде Мерло-Понти, размывает эти установки, то это регресс, а не прогресс. Регресс в том числе и в историческом смысле, так как термин «феноменология» употреблялся до Гуссерля и даже до Гегеля, в том числе он есть у Канта, у Иоганна Ламберта, причем у последнего в размытом и мало-содержательном смысле. Отходя от гуссерлевской задумки, мы возвращаемся к истокам, но в данном случае это не является каким-то достоинством. Если оценивать прогресс феноменологии в упомянутой системе координат, то одним из самых радикальных ее продолжателей, как ни странно, может быть американский философ Дэниел Деннет с его гетерофеноменологией. Она много обсуждается, но могу подчеркнуть лишь, что это действительно очень радикальный проект: при изучении сознания в скобки заключается уже не внешний мир, а реальность самого сознания. Это можно сделать, если, как предлагает Деннет, заниматься не *ауто*феноменологией, а именно *гетеро*феноменологией, то есть если изучать сознание на основе отчета других субъектов. В итоге может оказаться, что сознание – это иллюзия и что его, как утверждает Деннет, не существует. И он убедительно это показывает, считая что именно на таком пути мы можем добиться успехов в изучении сознания.

К радикальным интерпретациям Гуссерля можно отнести и мой собственный феноменологический проект. Я должен сказать, что всегда с интересом относился к феноменологии, еще со студенческих лет, и во многом спасибо Виктору Игоревичу за замечательные курсы, которые до сих пор мы вспоминаем в МГУ. Но постепенно я осознал, что проект Гуссерля не лишен серьезных дефектов. Если коротко, то первый из них – это сознательная дескриптивность Гуссерля, описательность его подхода к сознанию. Это, на мой взгляд, наследие, я бы сказал, тяжелое наследие позитивистской эпохи, в которую он жил. Гуссерль буквально гонит из анализа сознания доказательства, феноменологические дедукции, как их можно назвать, доказательства в сфере феноменологического исследования сознания. Для него это что-то вроде круглых квадратов. Но согласитесь, что возможности дескрипции крайне ограничены, она, к примеру, может лишь фиксировать, скажем, изначальные неясности в нашем понимании сознания. Они не проясняют сущностные структуры сознания. И я пытался показать, что доказательства вполне совместимы с феноменологией. Кроме того, я уже давно обратил внимание

(хотя структуризировалось это, может быть, лет десять-пятнадцать назад), что Гуссерль очень неохотно использует феноменологические методы для обсуждения классических философских проблем, например, таких как проблема «сознание – тело», как ее сейчас называют, или проблема свободы воли. Стандартная отговорка состоит в том, что тут ведь – натурализм: начиная с феноменологии тела, мы впадаем в натурализм, который в феноменологии исключается. Но в действительности можно феноменологически обсуждать эту проблему и вне натуралистического контекста. В конце концов, совершая эпохе, как сам Гуссерль говорит, мы естественную установку не ломаем. Эта естественная установка, которую мы не ломаем, включает представления о телесности; она просто модифицируется определенным образом и внутри этой модификации мы можем обсуждать проблему «сознание – тело». Можно возразить, что Гуссерль это все обсуждает – вспомним, например, второй том «Идей», не опубликованный при его жизни. Но там совсем другое обсуждение, не на уровне метафизической проблемы «сознание – тело», а на уровне какой-то феноменологизированной физиологии в духе, может быть, Варелы или Мерло-Понти. Я показывал, вернее, пытался показать, как можно перенести эти феноменологические методы на классические философские проблемы, которые, правда, надо переформулировать, чтобы они соответствовали феноменологическому формату. Я делал все это, в частности, в книге «Сознание и вещи», которая вышла больше десяти лет назад. Я также пытался показать, что при таком понимании феноменологического метода (тут мы возвращаемся к теме соотношения феноменологии и аналитической философии), если трактовать его не дескриптивно и направлять на решение философских проблем, его можно сблизить с методом концептуального анализа, который практиковался аналитическими философами, в том числе аналитическими философами сознания. Это может вести к плодотворному сближению феноменологии и аналитической философии. Важным для перспектив феноменологии мне кажется и то (это обсуждается во многих современных текстах), что в последние десятилетия произошло размывание картезианской догмы о достоверности внутреннего опыта. Конечно, феноменологи часто говорят, что феноменология пользуется вовсе не методом интроспекции, но все равно она опирается на внутренний опыт, а достоверность этого внутреннего опыта, в которую верил Гуссерль вслед за Декартом, размывается, и тут большая опасность в целом для проекта классической феноменологии. С этой опасностью можно бороться и, надеюсь, борьба эта будет успешной.

Пружинин: Вопросы?

Молчанов: Да, Вадим Валерьевич, спасибо за доклад. Одна информация небольшая: в 1998 г. мы в РГГУ издали маленькую брошюрку, и там была статья Марбаха «Что не так с гетерофеноменологией?». Это было уже двадцать пять лет назад, но тогда никто не обратил на нее внимания. А вообще у меня скорее не вопрос, а реплика: проблема если не слияния, то соединения аналитической философии и феноменологии очень важна, и я это всецело поддерживаю, но я не могу согласиться с некоторыми оценками. Дескрипция у Гуссерля вовсе не является констатацией чего-то. Гуссерль критиковал Brentano как раз за то, что тот отождествлял внутренний опыт и адекватный. С помощью теории имманентного времени Гуссерль пытался показать, что внутренний опыт также должен быть осмыслен и должен быть приведен к очевидности. И сам по себе он не является очевидным и непосредственно истинным, как рассуждал и Brentano. Поэтому здесь возникают более сложные вопросы, и они касаются терминологии, в частности появления многочисленных терминов у Гуссерля в «Идеях I». «Эпохе», «феноменологическая редукция», «ноэма» и другие – это термины, и в какой-то момент Гуссерль стал им придавать субстанциальное или квазисубстанциальное значение, и это тоже история феноменологии, история самого Гуссерля, впадавшего иногда в такой вот терминологический грех – собственные термины понимать потом как некоторую реальность. Но в целом спасибо, нужно, может быть, объединять усилия, проводить совместные семинары, давайте над этим подумаем. Если у Вас есть группа в МГУ на кафедре, которая занимается философией сознания, можно собраться и обсудить «язык сознания» с разных точек зрения.

Васильев: Да, это замечательная идея.

Пружинин: В таких предложениях и состоит смысл круглого стола.

Щедрина: А я помню, как на Пятых Шпетовских чтениях в 2008 г. проводили круглый стол «Аналитическая философия и/или феноменология». «К обсуждению были представлены два доклада: 1) “Теория значения Хайдеггера – Витгенштейна” (Е.В. Борисов, Томск); 2) “Возможно ли постметафизическое мышление? (критика теории значения Хайдеггера – Витгенштейна)” (В.А. Ладов, Томск). Докладчики представляли две традиции европейской философии: Борисов – феноменологическую, Ладов – аналитическую. Спор шел, как уже видно из названий докладов, об “общих понятиях”, о том, как они возможны, о проблеме их онтологического статуса и о способах их существования в различных гуманитарных науках и современной философии. Идеи Шпета имели к этому обсуждению непосредственное отношение. Уже на *Первых Шпетовских чтениях* А.Ф. Грязнов – известный российский специалист в области аналитической философии – поставил вопрос о возможности реконструкции синтетической философии языка Густава Шпета. И он первым попытался наметить возможные способы соотнесения проблемы “смысла”, как она была поставлена Шпетом, и проблемы “значения” (в традиции аналитической философии). Затем эту траекторию проблематизации шпетовской мысли продолжил В.Г. Кузнецов, рассмотрев идеи Фреге, Рассела и Витгенштейна в контексте проблемы “понимания языковых выражений” [Щедрина 2009, 181]. Я думаю, что шпетовская стратегия диалектической интерпретации научных понятий в какой то мере является специфическим методологическим опытом (о чем писал и Виктор Игоревич, когда оценивал «мировоззрение Густава Шпета» [Молчанов 1992, 8]), который можно интерпретировать как некоторый синтез аналитического и феноменологического способов проработки понятийных образований. Можно даже сказать, что этот проект Шпета – один из вариантов «неформальной логики».

Артеменко: Можно позволить короткую реплику? У нас скоро выйдет тематический номер «Аналитическая философия и феноменология» [Horizon web 2024]. Может быть, после того как он в июне появится в открытом доступе, мы могли бы организовать какую-то дискуссию.

Михайлов: Вадим Валерьевич, краткий вопрос: верно ли что для Вас средоточие феноменологии – это проект Гуссерля, а все остальное Вы склонны рассматривать как декаданс, как отход от изначальных установок.

Васильев: Да, безусловно. Brentano, если перефразировать слова Умберто Эко о Канте, сильно преувеличен. А что касается Хайдеггера и Мерло-Понти, для меня это – ересь. Поль Рикёр говорил, что все, что было после Гуссерля, это сплошные ереси. Я согласен с этой мыслью.

Михайлов: Значит, Вы должны не признавать такой термин, как «феноменологическое движение».

Васильев: Не совсем. Я несколько утрирую. Эти ереси все равно относятся к феноменологии. Но для меня это движение назад, а не вперед. Но есть и движение вперед.

Щедрина: Думаю, сейчас самое время выступить Игорю Анатольевичу и изложить свое видение феноменологического опыта.

Михайлов: Коллеги, вначале краткая ремарка по тем вопросам, которые уже прозвучали. Я не склонен обсуждать свои статьи в устном формате. Если коллеги считают, что в моих публикациях какие-то тезисы неверны, они могут попробовать их опровергнуть, и я им обязательно отвечу. Неверно предположение, что в своих статьях я *должен* был что-то сказать, но не сказал. Как раз я сказал все именно так, как хотел. Главный вопрос сегодняшнего обсуждения я хотел бы предварить одной неполиткорректной цитатой немецкого комика Декенхарта (это 1970-е гг., и тогда ничего не слышали о политкорректности). В одной семейной паре, шутит он, и муж, и жена страдали косоглазием; как результат – за все время совместной жизни они так и не увидели друг друга и именно потому счастливо прожили долгие годы. Мне кажется, что секрет устойчивости того, что мы называем феноменологическим движением, да и вообще феноменологии – всемирно признаваемой традиции, присутствующей во всех учебниках,

всех работах по философии XX в., – связан как раз с чем-то подобным. Каждый из феноменологов предпочитает строить свою версию того, что он понимает под этим словом, а значение полемики с предшественниками отступает на второй план по сравнению с желанием создать «оригинальную» концепцию. В этом смысле феноменологи не замечают друг друга, что и позволяет им мирно сосуществовать в рамках одного движения. Устойчивость заключается и в том, что феноменологии каким-то чудом удается обойти вопрос о том, что она, собственно говоря, есть. Это диктует два варианта ее описания. Либо мы исходим из того, что был главный феноменолог – Гуссерль, а у последователей происходила трансформация его взглядов, доходившая даже до их искажения, и в этом случае мы, возможно, будем говорить о «школе», но не особенно осмысленно оперировать термином «движение» (в этом и был смысл моего вопроса к Вадиму Валерьевичу), а попытаюсь искать какие-то единые черты, какую-то философскую программу, которая представлена в этой школе, мы оказываемся в тупике. Либо мы оставляем исторический подход Шпигельберга – тот учился у этого, а этот писал о том же, что тот, и поэтому все они феноменологи – и пытаемся найти какой-то универсальный свод принципов и методов феноменологии. Эти поиски могут быть более или менее успешными. Например, говорят, что феноменология – это такая описательная процедура, она ничего не объясняет, она против метафизики – тогда феноменологию легче встраивать в контекст философских движений XX в. Ее можно сближать с аналитической философией: современная аналитическая философия обсуждает проблему сознания – вот и феноменология вроде бы говорит о сознании. Либо пытаются расширять набор этих признаков, говоря, что феноменология – это не только анализ сознания, но еще и редукция, еще и проблематика кризиса наук. Я бы предложил – в некоторых статьях я уже озвучивал эту позицию – рассматривать феноменологию как вариант предельно радикализированной философии. Движение к ней начинается с первого шага, который делает Кант, ставя вопрос о возможности метафизики. Но после Канта необходим еще один принципиальный шаг в направлении такой радикализации, необходим для того, чтобы получилось что-то подобное феноменологии. Этот шаг совершен вместе с появлением таких жестких и радикальных позиций, как наукоучение Фихте и принципы «научной философии», впервые изложенные в «Феноменологии духа» Гегеля. Кратко эту позицию можно изложить в виде следующего набора тезисов: философия есть наука; философия есть *главная* наука, философия такая наука, которая занимается *основаниями научного знания*; она не обязана никому докладывать о каких-то мотивах своих открытий, не обязана обосновывать саму себя. Из этого вытекает тезис, что все частные области знания не могут ничего сказать о природе философии. Такая философия в еще более радикальном варианте, представленном у Гуссерля и Хайдеггера, оказывается рефлексивно замкнута на самой себе. Отсюда – постоянный возврат к «началу», постоянные разговоры философа о себе, философе. Итак, после той радикализации, которая произошла у Фихте и у Гегеля, Гуссерль и Хайдеггер производят последнюю, фундаменталистскую во всех смыслах радикализацию. От других вариантов новообоснования знания – например, от неокантианского, от Авенариуса, от предложенного Дильтеем, – этот отличает только то, что он есть именно *предельный* радикализм. Как раз этот радикализм объясняет появление многих принципов, на которые сегодня ссылаются как на феноменологические. Это принцип беспредпосылочности, принцип всех принципов, о котором Гуссерль говорит в первой книге «Идей к чистой феноменологии». На простом языке я разьясню его так: можно построить такую радикальную философию, которая будет основоположением всего знания и при этом будет сохранять прозрачность каждого своего шага. Каждая новая категория, каждое новое понятие, которые она вводит, будут показаны в своей необходимости. Каждый методический шаг такой философии, все ее движение будут абсолютно рефлексивно прозрачными. Понятно, что когда проблема ставится таким образом, то оказывается, что феноменология, эта новая фундаментальная наука, балансирует между несколькими культурными полюсами. Это уже вроде бы не метафизика – есть очевидные, определенные историческими тенденциями препятствия к тому, чтобы Гуссерль использовал это

понятие, непопулярное в начале XX в. С другой же стороны, феноменология может понимать себя как первая философия, наука об основаниях. Мы знаем, что у Гуссерля есть обширная лекция на эту тему. И если мы посмотрим на феноменологию с этой точки зрения, мы увидим сообщество исследователей, осознавших вдруг, что необходимо все переделать и, более того, что это все *можно* переделать, но для этого только нужно вернуться к «самим вещам». Эти «сами вещи» каждый понимал по-своему. При таком подходе к феноменологии выясняется, что необязательно выделять «сознание» или «редукцию» как универсальные и объединяющие всех принципы феноменологии. Мы увидим тогда, что Райнах, который пытается выявить априорные основания гражданского права, посмотреть на каких основаниях строятся общество и теория права, – феноменолог в смысле новой версии основания знания. Гуссерль – феноменолог в том же смысле. Феноменологом тогда вполне можно считать Хайдеггера, по крайней мере в какой-то части его философии. А также Арона Гурвича, ставящего перед собой более узкую проблему феноменологических основ восприятия (см.: [Gurwitsch 1957]). Ингарден пытается делать то же в области литературы. *Начать с начала и посмотреть непредубежденным взглядом на то, что можно увидеть в таком первичном, незамутненном опыте* (опять же, оставляя вопрос о природе и характере этого опыта открытым). Если мы будем опираться на такое понимание феноменологии, нам будет проще решать извечный вопрос о единстве феноменологического движения. Действительно, в этом движении каждый может опираться на свои мотивы, на свои принципы, кому-то может импонировать идея заново построить какую-то систему знания, однако каждому присущ пафос начинания, пафос новооснования. Кто-то просто может опираться на пограничные проблемы (некоторые из них столь замечательно были развиты Хайдеггером, а некоторые – Гуссерлем). В этом случае нет никаких поводов для борьбы между хайдеггерианцами и гуссерлианцами, которая велась еще в 1990-е гг., в том числе в российской философии. Гуссерль очень важен для философии техники – Генри Дрейфус это подробно объясняет, – хотя Гуссерль как раз о технике почти не писал. Мне кажется, это более перспективная позиция для феноменологии.

Пружинин: Вопросы? Реплики? Меня очень радует наличие дискуссии.

Пагуль: Игорь Анатольевич, нет ли принципиального различия в случае, когда мы говорим о беспредпосылочности, например, у Фихте (о Гегеле с его чистым бытием как неопределенным непосредственным, получаемым логически через снятие всех и абсолютно всех опосредований вообще, должен быть особый разговор) и у Гуссерля? Потому что одно дело, когда мы находим некое суждение, положение, как кажется, самоочевидное, другое дело, когда мы обращаемся к «правовому источнику познания».

Михайлов: О проблеме беспредпосылочности я бы поговорил отдельно. Это большой разговор. Одна из лучших публикаций на эту тему – публикация 1940-х гг. Марвина Фарбера в приложении к его книге о Гуссерле. Была и отдельная публикация, где он подробно разбирает различные значения беспредпосылочности феноменологии.

Молчанов: Игорь Анатольевич, Вы не совсем ясно все изложили. Не могу сказать, что я все хорошо понял, но замечание Андрея Борисовича Пагуля побудило меня задать вопрос. Он говорит, что у Фихте и у Гуссерля «беспредпосылочность» – одно слово, но разные по существу вещи. А термин «феноменология», который использует Фихте, он тот же, что у Гуссерля?

Михайлов: Я бы ответил известной цитатой Хайдеггера, кажется, из лекций о «Феноменологии духа у Гегеля». Там Хайдеггер говорит: «Феноменология духа» имеет мало общего с гуссерлевской феноменологией, однако на уровне философских оснований очень даже много. Но, конечно, это разные феноменологии, разные смыслы, вклады-ваемые в одни и те же слова, – один и тот же термин с разными значениями.

Молчанов: Тогда их трудно выстроить в один ряд.

Михайлов: На мой взгляд, как раз очень просто, потому что я соединяю не через историю, а через анализ общенаучных оснований знания.

Молчанов: Каким же образом Вы делаете этот анализ в безвоздушном, так сказать, пространстве?

Михайлов: Я анализирую научные программы, которые могут обозначаться одним словом, я анализирую, что изменилось в составе этих научных программ. Мой анализ показывает, что изменились только степень радикальности и то, что Гуссерль добавляет к информативному аспекту – к осуществлению, к идеалам и нормам того, как должна осуществляться эта фундаментальная философия. В своей основе она опирается на одни и те же принципы.

Белоусов: Одним из парадоксов современного развития феноменологии, не только в российском контексте, но и в мировом, оказалось то, что возможности ее прочтения и применения, на первый взгляд исключаящие друг друга, успешно сосуществуют и процветают. На мой взгляд, это свидетельствует не о размытости границ феноменологии, а о богатстве заключенных в ней возможностей, разработка которых открывает нам действительно целый «сад расходящихся тропок». Это свидетельствует о том, что феноменология отнюдь не замкнутая философия, существующая в пространстве текста. И благодаря этой своей пластичности феноменология не сталкивается с жесткими альтернативами, которые требовали бы исключения одних возможностей ради других. Она поэтому одинаково успешно работает как в мире, взаимодействуя с науками, так и «по ту сторону мира», разворачиваясь в трансцендентальной и спекулятивной, как сказал бы Финк, плоскости и осмысляя событийный (эстетический, религиозный, мистический, исторический) опыт, выходящий за пределы возможного и тем самым изменяющий конфигурацию смысловых горизонтов. Примером первого является, в частности, чрезвычайно продуктивное взаимодействие феноменологии с гуманитарными науками. Здесь достаточно сослаться на известные работы Виталия Анатольевича Куренного (хотя его тезис, будто превращение феноменологии в культурфилософию и социологию есть ее единственная жизнеспособная и плодотворная форма, на мой взгляд, неверен). Не может быть сомнений и в том, что, например, Dasein-анализ в психиатрии, феноменологическая социология, этнометодология – это целые дисциплины и направления гуманитарных наук, выросшие непосредственно из феноменологии. Не менее плодотворной в плане взаимодействия с позитивными науками оказалась программа натурализации феноменологии, благодаря которой ее методы проникли в когнитивистику. Несмотря на то, что гуссерлевский проект подразумевал запрет на натурализацию сознания, ряд его элементов – в частности, тезис о телесности сознания, параллелизм трансцендентальной феноменологии и правильно (по Гуссерлю) построенной психологии – позволил переосмыслить феноменологию в натуралистическом, но не позитивистском ключе и в высшей степени удачно применить феноменологический метод к натурализованному сознанию, преодолев благодаря этому ряд ограничений, присущих чисто натуралистической, а не феноменологизированной программе исследования субъективности. В числе таких преодолеваемых и опасных ограничений – постоянно воспроизводимый в той или иной форме дуализм субъективного сознания и объективного тела, который влечет за собой отделение сознания от мира, рассмотрение его в качестве замкнутой сферы ментальных репрезентаций в стиле Метцингера, говорящего об «эго-туннеле». Как показал Томас Фукс, такой дуализм влечет за собой утрату единства человеческой личности, которая не есть ни чисто внутренне переживаемая субъективность, ни сложная физиологическая система, данная внешнему наблюдателю, но есть живое существо, взаимодействующее с Другим. Сегодня, по наблюдению того же Фукса, мейнстрим дуалистического толка подвергается увеличивающемуся давлению со стороны нескольких факторов, каждый из которых либо способствует увеличению воздействия феноменологии на соответствующие эмпирические науки, либо свидетельствует о нем. Во-первых, это провал всех физикалистских попыток решить «трудную проблему сознания». Во-вторых, это усиливающееся влияние феноменологически фундированной энантивистской парадигмы в когнитивной нейронауке. В-третьих, это вызов, бросаемый концепции скрытого сознания Другого феноменологическим раскрытием интерсубъективной телесной выраженности психического в психологии развития и социальной психологии. Здесь мы видим принципиальное, решающее влияние феноменологии на этот парадигмальный сдвиг в науках, которое состоит в том, что она

рассматривает телесность как медиум нашего отношения к миру и Другим, тем самым делая возможной энактивистскую программу в нейронауках и нейрофеноменологию, исходящую из динамического взаимодействия целостного живого организма с окружением и даже принимающую форму экофеноменологии.

Скажу пару слов о том, как феноменология выходит за пределы мира – современная феноменология, не классическая. Движение «феноменологии по ту сторону мира» находит свое выражение в феноменологической метафизике (достаточно указать на работы Ласло Тенгели) и трансцендентально-спекулятивных интерпретациях феноменологии (это не какое-то прошлое, яркий пример этой интерпретации – тексты Александра Шнелля), которые процветают в Германии, а также в восходящей к Хайдеггеру «феноменологии неявленного» и феноменологии события как опыта, который превосходит мир, представленной целой россыпью выдающихся мыслителей во Франции и не только. Отдельного упоминания в этой связи, в рамках успешно продолжающегося проекта «феноменологии по ту сторону мира», которая отнюдь не теряет контакт с миром и имеет на него многочисленные выходы, заслуживает могущественная фигура Марка Ришира.

В целом эта гибкость феноменологии и ее применимость в столь удаленных друг от друга областях вполне соответствует непредметному, то есть не ограниченному какой-то особой предметно-научной областью в позитивно-научном смысле характеру ее метода, на котором настаивал ее основатель. Для Гуссерля, как впоследствии и для Хайдеггера, несмотря на колоссальные расхождения между их проектами, феноменология подразумевала не предметное «что», а методическое «как» исследования, не то, что рассматривается, а способ его рассмотрения, или, если выражаться несколько вычурно, «ракурс вопрошания». Поэтому феноменология на протяжении своей истории вплоть до наших дней имеет дело не с предметами, а с проблемами, и это, помимо прочего, насколько это возможно, позволяет ей избежать опасности догматизации и натурализации метода, поскольку сам ее метод, таким образом, не предметен, не выражен в определении, в учебнике, а проблематичен. На темпоральном уровне этой проблематичности соответствует приоритет будущего, того, что Тенгели в своей последней, посмертно опубликованной книге назвал «сверхсущим», то есть того, что выходит за пределы любых предметных областей, или регионов (в терминологии Гуссерля) и позволяет феноменологии перейти от предметов к открытой бесконечности мира. Если природа, согласно интерпретации Тенгели, это прошлое, предшествующее сознанию, а история – настоящее, с ним коррелирующее, то будущее – это то, что выходит за пределы этих регионов гуманитарных и естественных наук и открывается феноменологическому взгляду, в известном смысле выходящему за пределы предметного мира (совокупности существующего) и раскрывающемуся для проблематичности существующего и событийности опыта. На самом деле эти временные моменты, если пользоваться описанием Тенгели, отнюдь не противостоят друг другу, но друг друга необходимым образом дополняют, так что успешная работа натурализованной феноменологии в прошлом, плодотворность феноменологии в гуманитарных науках в настоящем и ее трансцендентально-спекулятивное движение в будущее, возможно, являются необходимыми моментами феноменологии как рабочей философии.

Паткуль: Спасибо, Михаил Алексеевич, за Ваш чрезвычайно интересный доклад. У меня возник вопрос: Вы сказали о воздействии феноменологии в плане натурализма на когнитивные исследования, но нет ли обратной тенденции, состоящей в том, что натуралистическая когнитивистика бросает ответный вызов, даже наносит ответный удар, уж извините за такие жаргонизмы, феноменологии, и нет ли здесь определенно-го риска нокаута для последней?

Белоусов: Андрей Борисович, спасибо за интересный вопрос, риск всегда есть. И, как мне представляется, феноменология – это в целом рискованная философия, потому что для нее негарантированное становится некой стихией существования: у нас нет такой программы, которая гарантировала бы застрахованность метода от того, что Гуссерль называл вырождением. Между тем, это полезное напоминание, что мы должны

бодрствовать, а не использовать метод как некий инструмент, с которым уже все ясно. Есть опасность того, что этот инструмент может заклинить и срикошетить.

Савин: Михаил Алексеевич, как соотносятся между собой в феноменологии момент экспликации событийности опыта, предельных феноменов, и момент спекулятивный, касающийся сверхсущего? Почему экспликация сверхсущего и экспликация событийности опыта – это одно и об одном?

Белоусов: Легко сбиться с пути, отвечая на столь сложный вопрос, но, мне кажется, здесь просто речь идет о важной интуиции, хотя, возможно, я сформулировал все это неудовлетворительно. Интуиция вот такая: трансцендентально-спекулятивное движение – это движение за пределы мира, за пределы горизонта, который всегда уже изначально дан. И Финк, и Гуссерль сопрягают два этих момента. То, что выводит нас за пределы мира, говоря языком современной феноменологии, открывает нас для события, это какая-то процедура, которая открывает нам – как это было для Гуссерля и отчасти для Финка, хотя это и не обязательно так, и в значительной степени не так для современной феноменологии, – субъективность как некоторое меонтическое (в терминологии Финка) измерение. Отсюда связь события и того, что превосходит сущее как Сверхсущее, как измерение, как явление того, что, некоторым образом, не может быть явленным.

Пружинин: Поблагодарим еще раз Михаила Алексеевича за его выступление и исчерпывающе ясные ответы на вопросы и предоставим слово Анне Игоревне Резниченко.

Резниченко: Я совсем не феноменолог, если рассматривать принадлежность к феноменологии институционально: я не сотрудник феноменологического центра, не автор феноменологических журналов. Если меня разбудить среди ночи и попросить процитировать Гуссерля, Хайдеггера или Брентано, я, пожалуй, ничего вам не скажу. Однако позиция стороннего наблюдателя оказывается очень удобной для того, кто хочет оценить то расстояние, которое отделяет нас от знаменитой дискуссии 1988 г., посвященной предмету феноменологии [Феноменология и ее роль 1988]. Событие, словами замечательного французского постфеноменолога Клода Романо, «не вторгается в мир, но открывает новый мир для того, к кому оно приходит», – мир рождающихся смыслов, устремленных в будущее. Свою реплику я посвящаю событию той старой дискуссии: что было важно, что было проговорено, что было поставлено как вопрос. Получили ли мы на него ответ – это уже отдельная тема.

Актуальность тогдашнего круглого стола очевидна: 100-летие существования феноменологии и 50-летие со дня смерти Гуссерля (что с самого начала было подчеркнуто в реплике Нелли Васильевны Мотрошиловой). Но не только. В 1988 г. феноменология из области «критики буржуазных концепций» переместилась в область собственно философии, которую вовсе не обязательно критиковать исходя из идеологических установок. Ее можно изучать «саму по себе», на ее языке можно учиться говорить. Авторы предисловия «от редакции» не случайно подчеркнули тот факт, что Мотрошилова вошла в Научный комитет I Всемирного конгресса по феноменологии, а советские ученые, в том числе Мераб Константинович Мамардашвили, были приглашены на этот конгресс, что расценивалось как «признание мировым феноменологическим сообществом вклада советских ученых в критическое исследование феноменологии» [Там же, 44]. Правда, приглашение Мераба Константиновича так и осталось приглашением, а выезд на конгресс в тогда еще социалистическую Югославию в 1987 г. Молчанова и Кулэ воспринимался как прорыв. Забавна реплика Мамардашвили: Италия и Франция, соседи и на географической, и на историко-философской карте, из постсоветского локуса, самого по себе чрезвычайно узкого, воспринимаются им как «два конца земного шара» [Там же, 64]. Зато в последующее тридцатилетие состоялось много других поездок, конгрессов, семинаров и образовательных программ. Коммуникация отечественной версии феноменологии с «внешним миром» стала обычным делом.

Оглавление журнала лучше всего демонстрирует контекст, в котором происходило второе рождение феноменологии в России. Это и интересная, но совершенно устаревшая по языку дискуссия о «диалектике точного и неточного в современном научном

познании» (участвовали: К.А. Свасьян, Д.И. Дубровский, Ю.А. Шрейдер, И.В. Блауберг, Т.И. Ойзерман, Н.С. Автономова и многие другие), и первая публикация «Авто-реферата» П.А. Флоренского с комментариями П.В. Флоренского и С.М. Половинкина и предисловием А.И. Абрамова, и лосевский «Эрос у Платона» с предисловием А.Л. Доброхотова.

Что казалось интересным в феноменологии в 1988 г.? Концепция гуссерлевского жизненного мира, которая, кажется, значила тогда больше, чем (реплика Мотрошиловой) теория познания вообще; «проблема человека» – модная тема конца 1980-х – начала 1990-х гг.; тема культуры, которой так или иначе касаются практически все участники той дискуссии. Александр Викторович Михайлов говорит о «вещи», и здесь возникает тема реальности и реализма. Вдруг происходит понимание того, что «реальность» и «бытие» (термин, набивший оскомину в диалектическом материализме) – не одно и то же. Владимир Петрович Филатов прямо ставит вопрос: а существует ли вообще «реальность, которая описывается языком феноменологии» [Феноменология и ее роль 1988, 53]. Еще один важнейший вопрос – о проблеме языка феноменологии. Уже тогда подмечают близость языка философии Гуссерля языку его современников и читателей в России, а именно Лосского, Шпета и Франка; серьезные исследования на эту тему еще впереди (и, на мой взгляд, мы сейчас не прошли и трети этого пути). Поскольку «читают и осваивают то, что лежит в горизонте собственных идей» [Там же, 55], диалог с феноменологией – из своих личных установок – воспринимается как задача.

Мераб Мамардашвили, через тридцать шесть лет осознаваемый уже как реальный классик, реальный объект изучения и представитель «оригинальной философии в СССР», говорит о важном для себя – о многомерности рациональности, об индивидуальности, о «деятельно-предметных образованиях», о Канте и о Гёте. И именно Мамардашвили проговаривает очень важный для феноменологии термин «событие» как «действительно исполненный акт мысли» [Там же, 57], отличный от ее содержания. Это касается и человека, чью «проблему» ставит в том числе и феноменология: «Я как мыслящий должен исполниться». Владимир Валентинович Калиниченко, вполне в духе времени, трактует феноменологию как особый тип философской культуры, обладающей фирменным «философским методом». Борьба за чистоту этого метода рискует породить «спор факультетов», который предполагает жесткое разделение философских направлений (замечу, что дальнейшее развитие феноменологии в постсоветской России к подобным дискуссиям и результатам все-таки привело). Более конструктивным виделось восприятие феноменологии как «удивления миру» – точнее, еще одному способу удивления, поскольку это признак любой философии, независимо от направлений и школ. Кандидат философских наук (в том 1988 г.) Виктор Игоревич Молчанов также говорит о культуре – и об интенциональности, в конечном счете, – о поисках границ. «Интенциональность... это определенного рода запреты... За пределами этой сферы – что-то другое» [Там же, 63]. Никто не может понять что-то за другого, и по-прежнему остается большим вопросом, могу ли я объяснить Другому свое понимание или непонимание. Где границы «общих структур понимания» в рамках опыта, образования или традиции? Все последующие тридцать шесть лет существования русской школы феноменологии будут так или иначе отвечать на этот вопрос.

Валерий Александрович Подорога ставит вопрос о границах метода. Феноменология – это всегда ограничение, очерчивание границ, фиксация структур сознания и выработка языка их описания. Такими структурами сознания могут быть, к примеру, память и время – и потому время и память надолго становятся предметом феноменологических штудий. Но в качестве такой структуры мы можем мыслить, к примеру, пространство (и время) художественного произведения (Флоренский), или опыт переживания и дескрипции собственного сновидения (Мерло-Понти), или встречу с Другим, или – шире или уже (последнее зависит от оптики) – опыт встречи с Богом-как-Другим. Однако тогда, тридцать шесть лет назад, это не воспринимается еще как задача. Задачей является – есть ли в интенциональности что-то от обладания и присвоения,

«схватывания», или она – «модус сосредоточения» самого сознания. Задача феноменолога – лишь провести границу, в том числе и между вещью и рефлексией, между пониманием и смыслом. Еще одно очень важное открытие феноменологии – это нелинейность времени. Время больше не движется из точки А в точку Б, но открывает себя в «сплетении интенциональностей».

Финал той дискуссии – выводы о применимости феноменологии «и в марксистском философском исследовании» [Феноменология и ее роль 1988, 84] – вряд ли могут сейчас рассматриваться всерьез. Целый ряд тем и сюжетов, важных для феноменологии современной, кажется, вообще не рассматривался в СССР: проблема Я и Другого Я, феноменология телесности, феноменология и аналитическая философия, феноменология и теология, и уж, конечно, «ничего не переводилось на иностранные языки». Невольно отмечаешь антиметафизический пафос феноменологии, подчеркиваемый в дискуссии тридцатилетней давности – и потому русская философия периода систем, такая метафизичная, кажется едва ли не анахронизмом: ведь вопрос о метафизике архаичен и не соответствует злобе дня. Однако условная «метафизика» Лосского, Франка или Карсавина по языку философствования оказывается на поверку действительно близка языку их современников – Гуссерля и Хайдеггера, она работает с теми же терминами и различениями, идет ли речь о различении между эмпирическим/трансцендентным/трансцендентальным Я или о существовании (сущности) Истины-Алетея.

За тридцать шесть лет выяснилось, что и феноменология может быть метафизикой (о чем замечательно говорил Михаил Алексеевич Белоусов); правда, для этого придется пересмотреть основания метафизики, а это большая работа. На мой взгляд (безусловно, пристрастный), наша совместная работа как раз и заключается в прояснении границ (глава «Термин», в которой Флоренский напоминает нам, что термин и есть граница, водораздел, «страх порога» и «хранитель границы культуры»), является центральной в «Мысли и языке»; чего? – по меньшей мере нашего понимания и непонимания, нашего участия или неучастия в Событии. Сегодняшняя дискуссия – это даже скорее не дискуссия, а отчет о проделанной работе, о том, «что мы сделали, перевели и поняли за последние тридцать шесть лет», «мы» – в широком смысле, потому что, говоря о феноменологии, мы говорим и о постфеноменологии, к которой каждый из присутствующих может причислить и себя тоже. Однако я не думаю, что феноменология – это Событие, которое завершено. Хотя бы потому, что за истекшие тридцать шесть лет, помимо очевидного, русская феноменологическая школа все-таки сумела создать свой собственный язык, непонятный для непосвященного, но вполне пригодный для решения своих же собственных целей и задач, создать свой собственный лес символов, в котором легко может заблудиться враг.

Щедрина: Может быть, Георгий Игоревич продолжит?

Чернавин: Я не настаиваю на том, что скажу, скорее я хотел бы поделиться моим взглядом вовлеченного читателя текстов феноменологической философии.

Я выскажусь прежде всего по поводу франкоязычной феноменологии с 1988 по 2024 г. На мой взгляд, наиболее интересным и продуктивным был вклад Эммануэля Левинаса, Жака Деррида и Марка Ришира. Должен упомянуть и католическую феноменологию Мишеля Анри и Жан-Люка Мариона, которая развивалась как раз в эти годы, но, мне кажется, этот проект ограничен узкими конфессиональными рамками. Самым интересным результатом последних лет кажется синтез постструктуралистской и феноменологической стратегий, который произвели Деррида и Ришир. В итоге получилось мышление в двух (не отменяющих, но дополняющих друг друга) регистрах: феноменологическом и символическом. Эмблематическим понятием этой линии развития феноменологии можно назвать «символическое учреждение»: Stiftung без Urs-tiftung. И это, как вы видите, развитие классического гуссерлевского термина. Что же это понятие значит? Нечто твердит нам, что оно опирается на проживание, что у него есть феноменологический исток, но на поверку оказывается, что это – пустышка, фантик, зомбифицированная практика. Однако, будучи запущенным, символическое учреждение начинает обрывать феноменологическим опытом.

Приведу пример из истории этики. Многие медиевисты считают понятие «искра совести», *synderesis* результатом ошибки переписчика (должно было быть *syneidésis* – то есть *conscientia*). Это понятие обозначает «природный навык, способствующий осознанию начала естественного закона: “Следует стремиться к добру и избегать зла”» [Бандуровский 2023 web]. Я бы предложил посмотреть на синдерезис как на аналог подпоручика Кижэ. Последний, существуя только символически, «выполнил все, что можно было в жизни, и [был] наполнен всем этим: молодостью и любовным приключением, наказанием и ссылкой, годами службы, семьей, внезапной милостью императора и завистью придворных» [Тынянов 1956, 297]. «Искра совести» возникает как описка, освященная авторитетом Иеронима Стридонского, но начинает жить собственной жизнью: она становится частью души, ее начинают «находить в себе». Возникнув в символическом регистре, она начинает «жить» и в феноменологическом регистре тоже. Речь идет о вторжении символического порождения в феноменологический опыт, где оно проживает настоящую жизнь, обрывает плотью, проживается как самое подлинное в нас. Так символическое учреждение может нарастить вокруг себя феноменологический опыт. Важно только отличать одно от другого.

Перечитывая материалы круглого стола 1988 г., я обратил внимание, что к описанной интуиции очень близки мысли Владимира Калининенко о «навязчивой, беззащитной [псевдо-]аподиктичности культуры», «автоматизмах культуры в ее идеологизации» и о том, что феноменологическая «редукция обнажает пустоты в культуре» [Феноменология и ее роль 1988, 62]. В конечном счете действительно речь идет о критической феноменологии культуры, в которой часто вместо феноменологического опыта себя навязывает *Stiftung* без *Urstiftung*.

Возвращаясь к вопросам круглого стола: мне кажется самым актуальным применением феноменологии в области этики, критики идеологии и политической философии в том виде, в котором его произвели Левинас, Деррида и Ришир. Именно в этих областях выявление символических учреждений и различение символического и феноменологического регистров кажется перспективным и даже насущным. Наиболее интересным примером этого выглядит обсуждение «контингентности деспота», которое производит Ришир в одноименной видеолекции (2009) и в книге с тем же названием [Richir 2014].

Тематически современная феноменология возможна обо всем, как это видно из новостного агрегатора «Информационный бюллетень по феноменологии» (Newsletter of Phenomenology, URL: <https://newsletter-phenomenology.ophen.org/>). Из него заметно, как феноменология продолжает свое существование во франко-, немецко- и испаноязычном мире (а также в Восточной Европе и Азии). Из известного мне наиболее интересного применения феноменологии в гуманитарных науках, а именно в литературоведении, назову сравнительно недавние очень сильные книги Марка Ришира о Мелвилле («Melvill», 1996) и Клода Романо о Фолкнере («Le Chant de la vie: phénoménologie de Faulkner», 2004). Большой интерес к феноменологии есть со стороны психотерапевтов, а со стороны феноменологов – к психопатологии; в качестве примера назову диссертацию Тилля Громана «Тело и мир при аутизме и шизофрении: онтологический и психопатологический подход» (2019) и Тюди Гоце «Феноменология и шизофрения» (2024).

Если опять же опираться на заданные нам вопросы, я думаю, что в значительной степени феноменология уходит от эпистемологических и онтологических исследований в традиционном их понимании, в этом ее прелесть, на мой взгляд, и состоит. Феноменологии доступно измерение смысла, в рамках которого феномены еще не зафиксированы как существующие. Здесь, мне кажется, правы Ойген Финк, который считал, что феноменология – это не онтология, а скорее меонтология, и Левинас с его «иначе, чем быть».

Савин: У меня краткий вопрос, Георгий Игоревич. Те разработки, которые феноменология осуществляла и в области теории познания, и в области онтологии, начиная от региональных онтологий до онтологии в хайдеггеровском смысле, они, по Вашему мнению, в новой ситуации какую-то релевантность сохраняют? И если все еще сохраняют, то какую?

Чернавин: Да, конечно, сохраняют и обретают новый, дополнительный смысл. Готовясь к сегодняшней нашей встрече и перечитывая материалы 1988 г., я, помимо реплики Владимира Калининко, был очень впечатлен выступлением Томаша Содейки. Речь шла о том, что феноменология – это не столько описательная философия, сколько трансформативная практика, некоторое действие – изменяющее, переключающее. Мне кажется, перечитанные в этом русле, в трансформативном русле, в русле изменения смыслового регистра, классические эпистемологические наработки заблистают новым светом. Впрочем, они в этом не нуждаются, у них и так все хорошо, но так, может быть, было бы интересно.

Пружинин: Алексей Эдуардович, Вам слово.

Савин: Сначала обозначу сдвиги в феноменологической мысли, которые с 1988 г. кажутся мне наиболее существенными, затем попытаюсь наметить задачи и перспективы и, как это ни странно, еще и социальную функцию феноменологии – мне это кажется в последнее время немаловажным. И, наконец, выскажусь по поводу институциональной истории феноменологии. Об институциональной истории скажу в конце и кратко, потому что благодаря журналу «Вопросы философии» в 2015 г. имел возможность высказаться: соображения мои представлены в статье «Развитие феноменологии в России». В этой связи, может быть, только некоторые дополнения внесу, если время будет.

На мой взгляд, основных моментов интеллектуальной истории феноменологии этого периода, собственно, три.

Первый – преодоление в рамках широкого феноменологического движения так называемой стандартной интерпретации, использую здесь термин Дона Вельтона 1999–2000 гг. От стандартной интерпретации, понимающей феноменологию как статическую, как анализ структуры, происходит переход к генетической и генеративной феноменологии. Хочу напомнить, в чем заключается стандартная интерпретация. Феноменология – это попытка философского построения модели сознания, которая базируется на эйдетическом усмотрении, причем эти сущности неподвижны, и некое кантианское трансцендентальное обоснование этой модели. Конститутивный анализ при стандартной интерпретации – это раскрытие области условий возможности предметов сознания, а не экспликация горизонта и условий возможности самих конститутивных систем и процессов, их организации, формирования у них устойчивости, их возникновения из самой жизни и их обратного воздействия на жизнь, как это происходит в генетической и генеративной феноменологии. Говоря об этой трансформации, об отходе от стандартной интерпретации, я имею в виду не Гуссерля только, не каких-то отдельных мыслителей, а широкое феноменологическое движение, которое переходит к проблематике генезиса и генеративности и понимает отныне феноменологию как генеалогию, в том числе как генеалогию эйдетических структур сознания.

Второй момент – появление современной французской феноменологии, и в ее рамках (Георгий Игоревич Чернавин уже останавливался на этом) важно появление идеи постфеноменологии. Я ее не разделяю, но считаю крайне продуктивной, потому что работа с так называемыми пограничными или насыщенными феноменами, которая осуществляется в рамках современной французской феноменологии, выполняется в рамках этой идеи. Постфеноменология выполняет очень важную проблематизирующую функцию, она ставит под вопрос феноменологический метод и даже побуждает к вопросу о границах феноменологичности самого этого метода.

Третьим моментом, не менее значимым, чем два предыдущих, считаю реактивацию в современной феноменологии гуссерлевского концепта «домашнего мира» (Heimwelt), причем с учетом тех разработок, которые развертывались уже вокруг хайдеггеровской мысли: вокруг понятия «бездомности» (Unheimlichkeit) и всего того, что связано с феноменологической критикой техники. С этим преобразованием связаны исследования распада базового доверия к миру, на которые современная феноменология выходит.

Хотел бы обратить внимание, что сам этот распад доверия к миру существенным образом связан еще с одним процессом, который выявил первый «феноменологический марксист» Герберт Маркузе в работе 1934 г. «Борьба против либерализма

в тоталитарной концепции государства», а именно с процессом деисторизации, то есть трансформации энергий и сил снятия, преодоления наличной действительности. Движение деисторизации характерно для позднего капитализма, и в самой яркой и чистой форме оно представлено фашизмом, хотя он и не является единственной формой деисторизации. В этом аспекте осмысление историчности жизненного мира и движения распада изначального доверия к миру, другим людям и к самому себе, есть новая, современная версия «критики мрачных состояний», начала которой были намечены Спинозой и актуализированы Делёзом. Важной составляющей при этом является экспликация понятия историчности. Как и Виктор Игоревич Молчанов, я нахожу огромную проблему в феноменологическом понимании истории, нуждающемся как в историко-философском прояснении, так и в собственно философской разработке, для того чтобы стало возможным уразуметь движение деисторизации как генеральную линию современного развития позднего капитализма.

То, в чем я вижу перспективу развития феноменологии, – это соединение феноменологии с «критической теорией». Условия возможности их совместной работы обеспечены, безусловно, просто потому, что концепт деисторизации является базовым концептом критической теории как таковой, а корни его имеют сугубо феноменологический характер. То есть если бы не Гуссерль и Хайдеггер, концепт деисторизации (основополагающий для критической теории, *ee sine qua non*) невозможно было бы даже ввести для осмысления и критики позднего капитализма, анализа фашизации и для критики цивилизации вообще. Эта критика с необходимостью опирается на феноменологическую экспликацию способов и форм эксплуатации распада доверия к миру в эпоху позднего капитализма. Эта экспликация есть то, для чего нужна, на мой взгляд, современная феноменология. Это одна из ее важнейших общественных задач. Хочу отметить, что это задача не внешняя, привнесенная, но целиком соответствует линии генеалогии патологий сознания и форм жизни, заданной поздним Гуссерлем.

Более того, хотя сейчас я не имею возможности приводить обоснования, склонен здесь даже идти дальше и говорить о движении феноменологии в сторону радикальных форм материализма вообще и даже ленинизма. У этого есть совершенно серьезные основания в связи с анализом пассивных синтезов, с анализом ощущений, в связи с различением первичной и вторичной пассивности сознания, и далее я мог бы просто приводить чуть ли не буквальные совпадения Фейербаха и Ленина с поздними работами Гуссерля и его современных последователей.

И, наконец, позволю себе привести две истории, для того чтобы показать внешне-историческую связь критической теории, марксизма в франкфуртском изводе, с феноменологией.

История первая, обстоятельства которой были впервые изложены лишь в 2023 г. в последней биографии Макса Хоркхаймера. Отец будущего основателя Франкфуртской школы Макса Хоркхаймера и старший брат Эдмунда Гуссерля имели общий бизнес. Отец Хоркхаймера хотел, чтобы Макс продолжил его дело, обеспечивал сыну соответствующее образование и практику. Однако Хоркхаймер уезжает из дома и уходит в философию. Отец Хоркхаймера, поняв, что, похоже, дело серьезное, приезжает к Гуссерлю и задает ему простой вопрос: молодой человек сейчас все ломает, занятия бизнесом, управление предприятиями в разных местах, даже странах, им брошены – Хоркхаймеры были очень солидной буржуазной семьей, – что мне делать, сможет ли он достичь успеха в философской области? И Гуссерль, читавший Максу Хоркхаймеру лекции и знавший его лично, отвечает отгу: отстань от мальчишки, не дави, от него будет толк, он в философию пришел не случайно, из него будет философ.

История вторая. Герберт Маркузе, первый феноменологический марксист или левый хайдеггерианец (а в настоящее время, как показывает Донателла Ди Чезаре в своей посвященной наследию и будущности мысли Хайдеггера монографии [Di Cesare 2015], левое хайдеггерианство образует весьма значимое направление мысли), был приведен во Франкфуртскую школу и принят на работу Хоркхаймером под давлением Гуссерля. И когда первого натиска не хватило, Гуссерль привлек Кракауэра и, благодаря

их уже совместным усилиям, со второй попытки, преодолев бешеное сопротивление Адорно, бывший аспирант Хайдеггера Маркузе в 1934 г. стал сотрудником Франкфуртского института. К каким эффектам эти усилия привели, известно: Маркузе стал одним из крупнейших мыслителей первого поколения Франкфуртской школы, идеи которого и сейчас лежат в основе современной критической теории, например, в фундаменте критической теории техники.

Эти истории к тому, что тогда, в начале Франкфуртской школы, даже на эмпирическом, биографическом, уровне были соприкосновения – Адорно и Хоркхаймер учились у Гуссерля, Маркузе у Хайдеггера, и Гуссерль, как я сказал, даже принимал участие в судьбе последних из упомянутых франкфуртцев. Сейчас же речь идет о том, что моменты теоретической общности, проявляющиеся и в концепции деисторизации, и в характерной для поздней гуссерлевской феноменологии идее первичной пассивности как способе данности природы, соединяют феноменологию и критическую теорию в единое движение. Именно в этом объединении их усилий я вижу перспективу для феноменологии.

Щедрина: Это очень интересные замечания, Алексей Эдуардович. Давайте представим теперь возможность выступить Евгении Александровне Шестовой.

Шестова: После стольких выступающих мне не так много осталось сказать, зато я могу в чем-то присоединиться к коллегам.

Не берусь судить о том, что изменилось за эти тридцать шесть лет, потому что я сама во многом пользуюсь плодами той феноменологической работы и себя понимаю, скорее, как ее продолжателя. Я имею возможность опираться на существующие переводы на русский язык – и пусть Виктор Игоревич говорит, что переводов недостаточно, что они иногда не высочайшего уровня, но это база, которая уже есть: есть переводы не только Гуссерля и Хайдеггера, но и ранних феноменологов и «постфеноменологов», есть переводческие проекты. И по скорости рецепции среди студентов, например, я вижу, что это нужные вещи: выходит «Постфеноменология» десять лет назад – и у нас уже студенты упоминают Ришира и Мариона, выходят переводы Финка – и вот на конференциях не только делают доклады о нем, но и рассматривают как одного из важнейших феноменологов.

И в то же время для меня актуален вопрос, куда нам плыть и что нам делать, чтобы феноменология была не историей феноменологии, а рабочей феноменологией – живым, развивающимся движением. Мне кажется, что главная сила феноменологии именно в ее гибкости, в возможности трансформировать свой метод (иногда трансформировать сильно), постоянно выходяще за собственные границы, при этом сохраняя главное – ориентированность на описание начала, на поиск самих вещей, описание опыта и на принципиальную свою открытость и уход от завершенной системы. В этом случае мы можем говорить не столько о феноменологии, сколько о феноменологиях, о феноменологическом движении в его многообразии. Это в том числе открывает возможность выбора – на какой подход опираться, каковы его возможности и границы. Мы видим, что при должной рефлексии метода у нас есть свобода: как работать с той или иной темой в зависимости от того, что мы в ней хотим выделить и что проблематизировать.

Для меня большой интерес представляет то, как *феноменализировать*, то есть вводить в область феноменологического анализа, новые темы. Феноменология, как подробно писала Анна Владимировна Ямпольская, требует взаимосогласования метода и феномена, и если Гуссерль отдает приоритет методу, который и создает феномен, то современная французская феноменология и постфеноменология, скорее, стоят на позициях того, что феномены требуют для своей феноменализации трансформации метода. Исследование границ феноменализации и пересмотр метода позволяют выделить и описать очень сложные для схватывания феномены, вроде феномена совести или феномена восприятия божественного, и показать, какие структуры субъективности и предсубъективности они нам открывают.

С этим связана и проблема языка феноменологии и того, как с ним работать. Я сказала о быстрой рецепции и о том, что феноменология вызывает большой интерес,

но при этом кажется, что для входа в феноменологию есть значительный понятийный порог. Анна Игоревна, если я не ошибаюсь, говорила по поводу феноменологической секции на последних «Алешинских чтениях», что со стороны это выглядит немножечко сектой. И парадоксальным образом как раз то, что феноменология дает мало «тезисов», зато требует погружения в работу и практического владения методом, делает ее сложной для того, чтобы студенты могли в нее войти. И если феноменология не желает быть сектой, то, может быть, нам надо яснее показывать, как складываются и как работают феноменологические понятия, в чем их специфика. Это тоже может иметь двоякий смысл: во-первых, исследование истории понятий, к которому можно обратиться за разъяснением. А во-вторых, прояснение функционирования понятий – того, как слово становится чем-то, вокруг чего концентрируется действие, как оно начинает призывать к мыслительному усилию. И, может быть, это могло бы стать необходимым введением в метод. Здесь актуально то, что говорил в своих последних выступлениях Михаил Алексеевич и то, что исследовала и я: язык феноменологии провокативен, и его технизация как раз может привести к тому, что феноменология утратит свой характер живой продуктивной работы, свой внутренний двоякий характер «раздора» между взломом понятности и необходимостью дескрипции. И как раз-таки в этом встречном движении, мне кажется, кроется возможность продуктивной работы.

Я выступаю за то, чтобы в феноменологии существовали не только внутренние дискуссии, но и дискуссии с другими философскими течениями. И если это не спор, а диалог, то в нем мы можем увидеть вопросы, задаваемые самой феноменологии: насколько она может включить в сферу своего осмысления то, что в нее еще не входило, и каким образом это сделать? Например, структуралистский подход ставит вопрос об осмыслении символических структур, и Марк Ришир предлагает различение символического и феноменологического регистров. Психоанализ и психология ставят вопросы перед Мерло-Понти – и позволяют ему увидеть точки, в которых феноменализируется специфическая структура телесности и включенность субъекта в мир.

Среди вопросов, которые были присланы как опорные для нашего круглого стола, был вопрос и о противоположном движении: *«Можно ли сказать, что феноменологический метод сегодня применяется в гуманитарных и естественных науках?»*. Я считаю, что феноменология открыта для взаимодействия с науками, но продуктивное взаимодействие – это не вопрос о «применимости феноменологического метода». Мне кажется, что более продуктивно «движение зигзагом», когда культурологические, психологические и другие исследования обращаются к феноменологии не за «методом», а, во-первых, за осмыслением истоков и, во-вторых, за «сдвигом» или «провокацией», за открытием новых измерений работы. То есть феноменология может, с одной стороны, предложить некий пересмотр оснований или предоставить результаты феноменологической работы, которые могут быть использованы, например, при искусственном моделировании структур сознания. А с другой стороны, в ней можно найти новые способы взгляда или концептуализации, например, эстетического опыта.

Эта двойственность феноменологии кажется мне продуктивной и в самой феноменологии, и во взаимодействии феноменологии с другими сферами знаний.

Молчанов: Не столько вопрос, сколько короткая реплика. Все-таки понятия, о которых Вы говорили, это термины. И Гуссерль пишет о понятиях того-то и того-то, и Хайдеггер говорит о понятиях, правда, редко, поэтому, когда утверждается, что мы должны развивать и исследовать феноменологические понятия, надо уточнять, что, собственно, мы будем делать. Понятие – это тоже термин, который имеет разные значения в разных учениях. Мне кажется, что феноменологические исследования успешно расширяют области своего применения потому, что Гуссерль, Хайдеггер и другие феноменологи первых поколений создали и разработали язык, который оказался востребованным в XX в. после Второй мировой войны как один из языков философской коммуникации, а также коммуникации во многих областях гуманитарного знания. Конечно, здесь сыграли свою роль всякие случайности, не только такие, о которых говорил Алексей Эдуардович. Однако феноменологическое движение возникло

не в последнюю очередь благодаря общему языку, который обеспечил возможность продуктивной коммуникации. В этом непреходящее значение любой философии в любые времена.

Пружинин: Андрей Борисович, Вам слово. Замечательно, что сегодня в нашем круглом столе принимают участие феноменологи из Санкт-Петербурга.

Паткуль: Уважаемые коллеги, прежде всего я хотел бы выразить свою признательность за то, что вы пригласили меня на такое важное мероприятие. Сегодня я обозначаю такие места, которые считаю точками напряженности для современной феноменологии, отталкиваясь от ситуации, зафиксированной относительно отечественной философии на круглом столе 1988 г., но также основываясь на опыте феноменологической философии за рубежом.

Первая точка напряжения – это проблема натурализации, по поводу которой Михаил Алексеевич оптимистично высказался, хотя у него и вопрос был в связи с ней поставлен. Мне кажется, что натурализация – это то, что от феноменологии требуют (причем не в последнюю очередь на институциональном уровне) разные позитивные науки и версии философского позитивизма: так называемые *cognitive sciences*, нейролингвистика, физиология, основанная на физиологии психология и т.д. Возникает вопрос, насколько феноменология может идти сегодня на компромисс в плане натурализации и насколько проведенная еще Гуссерлем последовательная критика натурализма является непреходящим достижением феноменологии – не устарела ли она, не оказалась ли преодоленной современным натуралистическим позитивизмом, которому критика эта кажется каким-то идеалистическим остатком гуссерлевской феноменологии, сегодня уже совершенно недопустимым ввиду своей антинаучности? Я говорю это не для красного словца: из возможности компромисса вытекают разные следствия, а главное, есть риск схлопывания различия трансцендентально учреждающей апперцепции, или трансцендентальной субъективности, и просто психологической субъективности в современном состоянии феноменологии. В этом плане, если мы соглашаемся с натурализацией феноменологии, надо ставить вопрос, в каком смысле и в каких пределах психологический субъект, тем более субъект как реальное психофизиологическое единство, а еще более – как только физическое тело, может быть наделен смыслом конституирующей субъективности. Мне кажется, это очень важно, учитывая то, что у Гуссерля критика натурализма вполне определенно подчинена программе построения философии как строгой науки. Именно науки! И не будем забывать, что натурализм – это далеко не только объективный натурализм. Давайте вспомним, что, как это и зафиксировано в «Философии как строгой науке», есть натурализм ощущений, комплексов ощущений. И тут дело не в том, предполагаем ли мы инстанцию конституирования самой по себе сущей объективной природы, или комплекс субъективных ощущений – дело во всеобщности закона, уже конститутивной для природы. Но может ли быть эта всеобщность своим собственным смысловым источником?

Вторую точку напряжения можно отчасти и как продуктивный момент отметить, связав это с современными тенденциями в феноменологии (в том числе в Петербурге, например, Наталья Андреевна ее ярко представляет) и с тем, о чем говорила Нелли Васильевна Мотрошилова на круглом столе 1988 г., – это все возрастающий интерес к «пассивности», к «пассивным синтезам». И с этим же связан анализ смыслового генезиса – как раз то, что у Алексея Эдуардовича прозвучало в его сегодняшней реплике. Но я бы хотел также, чтобы не забывалась и активность сознания, та активность, которая может играть роль в конструировании логики, этики и, конечно же, онтологии. В этом я *contra* позиции Георгия Игоревича Чернавина выступаю; не имея возможности обсуждать это более подробно, скажу только, что, на мой взгляд, нынешними феноменологами должен быть найден какой-то баланс того и другого – активности и пассивности. Впрочем, нельзя исключать, что этот баланс недостижим. Но ведь и само усиление напряжения между активностью и пассивностью может быть феноменологически продуктивным. В любом случае, я бы предложил не отбрасывать этот баланс хотя бы как регулятивную идею.

Третий пункт напряжения. Думаю, как подсказывает мой личный опыт первоначального прочтения Гуссерля, Шелера или Хайдеггера, мы, российские исследователи, часто подходим к феноменологии с мерками Канта, Гегеля, Фихте, но прежде всего Канта. Вот сегодня Игорь Анатольевич Михайлов упоминал Фихте – это крайне интересная тема. Но вопрос тут, помимо сказанного Игорем Анатольевичем, еще и в том, насколько мы можем отделить исторический опыт Гуссерля, Хайдеггера и других в плане их отношения с немецкой классикой от самой немецкой классики (например, в теории субъективности). Причем не только и не столько ради исторической справедливости, сколько ради того, чтобы увидеть несводимость гуссерлевской теории субъективности, скажем, к идеализму того же Фихте. И в связи с этим мне хотелось бы два момента обозначить. С одной стороны, нужен спор о конструктивизме, соответственно – неконструктивизме феноменологии как философского метода, ведь привычка к немецкому классическому идеализму иногда мотивирует понять феноменологическое «конституирование» как конструирование, а активность сознания прочитывать как просто навязывание пустой формы хаотическому многообразию материи, хотя мы видим, что и Гуссерль, и Шелер против этого выступают. Но, с другой стороны, нельзя упускать и того, что между классическим идеализмом и феноменологией есть много изоморфного. Сам я именно поэтому довольно много работал над наследием Шеллинга и возможностью его феноменологического прочтения. Свидетельством такой изоморфности, я бы даже сказал – параллелизма, являются так называемые пограничные проблемы феноменологии. Надеюсь, Наталья Андреевна, которая с ними углубленно работает, не даст мне сейчас сплукать. Речь идет о потенциальном выходе за пределы временного синтеза у Гуссерля, который постоянно критикует «романтический идеализм» за то, что тот выходит за пределы временного синтеза посредством введения интеллектуального созерцания. Находит свою параллель в истории феноменологии и смена тематической ориентации в немецкой классике, ее переход от абсолютной субъективности к неизмышляемому бытию.

Четвертый пункт напряженности выводит нас к традиционной метафизической проблеме соотношения эйдетического и фактического. Это звучит тривиально, но, на мой взгляд, это не так, потому что и Гуссерль, и Хайдеггер бросились на приступ этой «стены», можно сказать, безоружными. Эти герои попытались показать, как логика (эйдетическое) и история (фактическое) совместимы и каким образом логика не подчиняет себе историю, а история не релятивизирует логику. Причем делали они это, не прибегая к ставшим уже привычными гегелевским спекулятивно-диалектическим средствам, соответственно, не редуцируя историю к логике, фактическое к эйдетическому. Эта проблема все же не была решена великими феноменологами, но они немного, так скажем, сдвинули с места совершенно, казалось бы, незыблемое положение дел. Именно как проблема она была оставлена ими в наследство метафизике XXI в. и последующих времен, извините уж за высокий слог.

И последнее. Может быть, к Игорю Анатольевичу стоит в этом присоединиться, да и к Михаилу Алексеевичу тоже, и у Евгении Александровны это также прозвучало: я полагаю, что в широком смысле феноменология – это в настоящий момент, возможно, единственная лазейка для того, чтобы философия осталась философией. Вопреки позитивизму, вопреки различным идеологизациям она неизменно удерживает возвращение к самим вещам, выполняя то, чего ждешь от философии, и только от нее. Как именно это возвращение исполняется – это уже дело техники. Активность, пассивность, интересубъективность, трансцендентальная субъективность, Dasein, даже сама интенциональность не так важны, как то, что феноменология возвращается к самим вещам. Дальше в феноменологии мы варьируем способы подхода к ним, поскольку вещи даны нам всегда в разных перспективах. И в этом основа плюралистичности феноменологии, не отменяющей ее единства, заданного единством самих вещей.

Савин: Целиком поддерживаю ход мысли Андрея Борисовича, связанный с проблематизацией отношения фактического и эйдетического. На мой взгляд, это занимает важное место в генетической феноменологии, даже в версии генеративной феноменологии и даже в идее постфеноменологии, и выполняет как раз подрывную,

проблематизирующую и предмет, и метод феноменологии функцию, не говоря уже о критике позитивного. Мне думается, что в этих изводах феноменологии уже намечено направление взгляда, подход, как с этой проблематикой работать. Я имею в виду концепт событийности феномена.

Михайлов: У меня реплика в связи с затронутой Вами темой феноменологии и немецкого идеализма. В последние годы появилась сравнительно новая линия проблематизации метафизики в связи с феноменологией в работах Александра Шнеля и его коллег и отчасти мотивированная исследованиями архива Марка Ришира. Теперь вдохновения для понимания природы феноменологии ищут в немецком идеализме и, в частности, в работах Фихте. Правда, делается это специфическим образом: через идею спекулятивной философии. Эта линия сравнительно нова, она не сводится к давно уже существовавшим сопоставлениям Гуссерля и Хайдеггера с немецким идеализмом.

Паткуль: Спасибо, конечно, это надо обсуждать.

Курилович: Коллеги несколько раз ценно вспомнили о немецком идеализме и о том, допустимы ли параллели между ним и феноменологией. За тридцать шесть лет и в этом вопросе в нашей стране тоже кое-что изменилось, а именно была установлена связь между французской феноменологией и французским неогегельянством. Да, в 1982 г. была уже книга Виталия Николаевича Кузнецова «Французское неогегельянство», но на тот момент ни изнутри гегельянства, ни изнутри феноменологии не рефлексировалась та связь, которую выстроили с феноменологией Гуссерля, Хайдеггера, а также реалистической феноменологией Адольфа Райнаха Александр Кожев и Александр Койре прежде всего, а также, хотя и в меньшей мере, Жан Валь и Жан Ипполит. Позвольте несколько слов сказать об этом и отчасти обратиться к реплике Евгения Александровны о соотношении феноменологического метода и предмета – феномена. И историко-философски, и педагогически небезынтересно то, как во французском неогегельянстве феноменологический метод упрощается до чистого созерцания и описания идей, чем сближается с «Феноменологией духа», которая как «опыт являющегося знания» зиждется на верности наблюдаемому разворачиванию понятия без форсирования и ожиданий, построенных на предпосылках. И тут уместно вспомнить, как студенты, не специализирующиеся на феноменологии, до каких-либо существенных уточнений ее видят: как интуитивизм в отношении «объективных» или «трансцендентальных», или даже «трансцендентных» идей, а также как интроспекцию психических переживаний. И в этом они близки Койре и Кожеву и идее единой феноменологии Гегеля – Гуссерля – Хайдеггера (эту мысль позже по-своему использует Сартр).

Койре строил свои размышления о религиозных учениях Возрождения и Нового времени и об истории естествознания того же времени на единых основаниях, которые частично восходят к Эмилио Мейерсону и Леону Брюнскиву, о чем замечательно писала в своих работах Дарья Николаевна Дроздова. Но также его метод мы прослеживаем до Райнаха, которого, однако, Койре не называет прямо, а заявляет, что это Гуссерль привил ему «платонистский реализм», с помощью которого интуитивно усматривается историческое изменение идеального содержания онтологических систем. И примечательно, что разворачиваемые системы оказывались неслучайными, а воспроизводились от неоплатоников до Гегеля. Феноменологическое усмотрение за экзотикой языков мистиков обнаруживает мыслительные структуры, ясно описанные Гегелем, прежде всего в «Феноменологии духа» и «Науке логики», что дает возможность для их концептуального перевода или рациональной реконструкции. Тот же метод Койре использует и в философии науки. И авторство этого метода сразу и за Гегелем, и за Гуссерлем: «Метод Гегеля... кажется методом феноменологической дескрипции сознания» [Коурé 1933, 57], «любопытное и неожиданное дело – метод Гегеля является, прежде всего, феноменологическим. “Феноменология духа” – феноменология... Мы используем этот термин в смысле, который ему дал Гуссерль» [Коурé 1971, 152]. И для самого Гегеля, согласно Койре, феноменологический метод предшествовал диалектике и спекулятивному мышлению, которые создавали видимость основы системы, на самом деле построенной на феноменологических дескрипциях [Ibid.].

Кожев продолжил размышления Койре и говорил уже о феноменологии или антропологии Гегеля – Хайдеггера [Кожев 2022, 729], об их почти полном не только методологическом, но и содержательном совпадении [Там же, 723]. Сам же феноменологический метод, общий для Гегеля, Гуссерля и Хайдеггера, Кожев описывал, подобно Койре, как выявление «чистых феноменов», «сущностей», «идей» для ответа на вопрос: «Что это такое?» [Кожев 2006, 9–10]. В обоих случаях мы имеем однозначное обоснование необходимости дескрипции без ярко выраженной редукции, эпохе, которую отчасти заменяет принцип беспредпосылочности. И эта особенность прочтения феноменологии любопытна сегодня тем, что современная тенденция, как мне кажется, увлечена методологической строгостью и поиском все более сильных форм редукции.

Пружинин: Разрешите мне высказать небольшое суждение касательно феноменологии. В этой проблематике я – «человек с улицы». Я занимаюсь эпистемологией и философией науки, и сегодня здесь ощущается настоятельная потребность в феноменологической постановке проблем, то есть в применении феноменологических принципов для постижения окружающей реальности. («Применение» в данном случае употребляется в том смысле, в каком его истолковывал Шпет, когда предлагал читателю, понимающему автора, «научиться применять» его мысли, а не «примерять» их [Шпет 2007, 327]). Это касается прежде всего научного познания (причем не только гуманитарного, но и естественнонаучного). Современная наука изменилась: с одной стороны, идет масштабный процесс дифференциации дисциплин, с другой (в рамках научно-исследовательских программ) – мощные тенденции синтеза, требующие не только междисциплинарных усилий, но и феноменологической рефлексии над тем, как ученым точнее выразить друг для друга внутренний опыт, то есть путь к получению конкретных результатов. Причем речь идет не только и не столько о параллельной работе (как это было в классической науке), сколько о коллаборации, о сотрудничестве. Ситуация в современной науке сложилась так, что очень остро встала проблема понимания. В этом ее отличие от науки классической, которая в качестве образца использовала методы эксперимента (не опыта!). Экспериментальная – классическая – наука отвлекалась от реальности, она работала так, будто находится в безвоздушном пространстве, в идеальных условиях. В результате ученым удавалось обнаруживать такие феномены, которые в реальном опыте жизни человека невозможно наблюдать в «чистом виде» (мы видим только их проявления). Феноменология поставила под вопрос методологическую эффективность именно экспериментального метода, элиминирующего все привходящие помехи (в том числе и человека). Чтобы вернуть понимание в общение ученых, необходимо было шагнуть от эксперимента назад к опыту. Именно этот поворот к опыту мы наблюдаем в современных научных исследованиях (и фундаментальных, и прикладных). Вспомним, как организована работа Большого адронного коллайдера: его функционирование обеспечивается несколькими тысячами сотрудников, специалистами в разных областях, говорящими на разных языках. У них у всех разные региональные онтологии, но они делают общее дело. Как они понимают друг друга? Это область внутренней, не внешней координации, понимания. Ученые в коллаборациях выражают друг другу свое понимание реальности, с которой они работают. И когда Татьяна Геннадьевна втянула меня в феноменологическую проблематику, которую развернул Шпет, добавивший к классическим гуссерлевским темам еще и тему общения, я увидел, насколько феноменология эффективна при решении интересующих меня вопросов, насколько она важна и актуальна именно для прояснения смысловой составляющей опытного исследования.

Щедрина: Разрешите, я продолжу, поскольку у нас как бы парное выступление. За прошедшие годы наши исследования с Борисом Исаевичем и Ириной Олеговной Щедриной двигались по двум направлениям. С одной стороны, это открытия в области истории русской феноменологии: например, публикация писем Гуссерля Шпету из архива Елены Владимировны Пастернак [Щедрина 2013], обнаружение шпетовских рукописей 1913 г. (записных книжек с ежедневными самоотчетами Шпета и его конспектов лекций Гуссерля), уточнение его сферы разговора с другими феноменологами

(Жаном Херингом, Александром Койре и др.). Еще одна очень важная находка: рукопись шпетовского перевода «Феноменологии духа» Гегеля в отличие от опубликованного варианта ориентирована феноменологическими установками переводчика. Терминологический ряд опубликованного варианта перевода во многом был обусловлен марксистскими (деятельностными) установками редакторского коллектива [Щедрина 2019]. Наконец, работа с «архивом эпохи» Шпета (с рукописным наследием Н.И. Жинкина, Р.О. Якобсона, П.Х. Кананова и др.) позволила нам сформулировать еще одну гипотезу о целостном единстве русской философской традиции. Она не прервалась с приходом «диалектического материализма», но стала постепенно уходить в гуманитарные науки (филологию, психологию, лингвистику), феноменологическая ориентация которых позволила ученым СССР поставить важнейшие вопросы об интонации как способе выражения смысла (в психологии), о слове как проблеме (а не понятийной единице) в лингвистике и др. [Щедрина и др. 2023].

Одновременно мы пытались именно *применять* (как уже сказал Борис Исаевич, ссылаясь на Шпета) принципы феноменологии в сфере культурно-исторической эпистемологии и философии науки. Прежде всего это коснулось наших исследований по методологии экспертной деятельности как важнейшего фактора современной науки. Рассмотрение экспертизы с феноменологических позиций позволило нам выявить принципиальную двойственность этой интеллектуальной практики. Казалось бы, ученый-эксперт приходит в науку тогда, когда она экспериментально уже «очистила» объект, и эксперт начинает работать не с реальностью мира, но с региональными онтологиями. Однако в процессе проверки результатов экспериментов эксперт фиксирует не только предсказанные учеными «действия» этих объектов, но и нестандартные ситуации, вынуждающие эксперта выводить «очищенные» объекты из заданных учеными регионов бытия в более широкий познавательный горизонт, учитывающий весь предшествующий исторический опыт (в том числе и свой собственный). Таким образом, в рамках экспертной деятельности преодолевается принципиальная узость экспериментальной науки, в ней соединяются «эксперимент» и «опыт», и экспертиза внутри науки в ходе научных исследований не только выполняет проверку получаемых результатов, но и расширяет познавательные горизонты ученого, превращая его из специалиста-экспериментатора в свободного человека, способного рождать новые смыслы. И что самое главное. Такого рода интеллектуальная практика требует от нас признания принципиальной диалогичности науки, экспериментальная деятельность которой дополняется интересующей проверке результатов и интенциональностью познавательного горизонта эксперта. В идеале эксперт это всегда Другой, а потому его способы работы с «очищенными» объектами вносят в них «иное» понимание, иные смыслы (см.: [Щедрина, Журавель 2022]). «Смысл» – это ключевое понятие в нашей работе, позволяющее поставить заново вопросы, которые интересовали того же Ришира, когда он в 1985 г. написал статью «Квантовая механика и трансцендентальная философия» (см.: [Richir 1985]). В этом контексте интересно было обратиться к Гейзенбергу и его небольшой работе 1966 г. «Роль феноменологических теорий в системе теоретической физики». Обо всем этом мы говорили в статье «Играем в бисер? О достоинстве идеи парадигмы» [Пружинин, Щедрина 2023]; уточняя понятие научной парадигмы, мы руководствовались феноменологической установкой на прояснение смысла конкретной ситуации. Замечу также, что неизбежно возникающий в квантовой физике вопрос: «Что такое реальность?», который волнует сегодня естествознание, переворачивает все, если мы рассматриваем его феноменологически. И, что еще очень важно, феноменология, как говорил Борис Исаевич, позволяет нам ставить вопросы так, чтобы мы вернулись к междисциплинарности, чтобы представители разных дисциплин могли понимать друг друга. Смысл научной деятельности не определяется установками, заданными автоматически, он конституируется и формируется в общении, то есть когда, как говорил Гадамер, мы *возделываем* общее поле разговора, в котором смысл понимается. Этот же подход мы обнаруживаем у Шпета как представителя русской феноменологической традиции, которая пыталась показать, что трансценденция – необходимый элемент научного

исследования и что конкретная метафизика всегда присутствует в познании, как бы мы ни хотели ее элиминировать. Эти идеи, кстати, обсуждаются и в поздних работах Николая Онуфриевича Лосского. Феноменология, действительно, большая научно-исследовательская программа, в которой возможно все.

Артеменко: Я бы хотела спросить по поводу междисциплинарности и интердисциплинарности: за счет чего она достигается? Поскольку нет общей «вещи», «самой вещи», предмета, должен же быть какой-то мотив, который объединил бы дискурс разных ученых. Как на Ваш взгляд, что выступает этим основанием?

Щедрина: Отвечая на этот вопрос, я хочу снова вернуть нас к тому, на что обратил внимание Гуссерля Шпет. Это проблема общения, которой Шпет дополнил гуссерлевскую идею региональных онтологий. И Гуссерль это принял. Ведь если мы ограничиваемся внутренним миром отдельного человека с его уникальной предметностью, то мы потеряем из виду целостную реальность, возникающую в общении и совместном действии. Позволю себе привести цитату из второго тома «Истории как проблемы логики» Шпета: «Мы разумны, мы понимаем, мы сочувствуем, мы подражаем и прочее, и прочее, – одним словом, мы обладаем интеллектуальной интуицией, потому что мы рождаемся. Мы не только разумны, обладаем инстинктами, понимаем, и прочее, от рождения, но и благодаря рождению. Чем ближе родственные узы, связывающие нас, тем больше места разумному, тем больше места пониманию. Отсюда освещаются и многие вопросы, затрагиваемые нами при выяснении природы “социального”, – не в “одиночных тюремных камерах” заключены мы, и не путем условных соглашений достигается социальное единство, и не путем механического взаимодействия оторванных друг от друга одиночек движется история, а путем реального органического единства, из которого нас вырвать может только абстракция, но сама безжизненная, она не умерщвляет того, что создается жизнью. <Курсив мой – Т.Щ.> То же органическое единство рождения, что лежит в основе человеческих социальных отношений, связывает нас и со всем органическим миром – мы получаем новое указание на то, в каком направлении может идти истинная философия социального и истории» [Шпет 2016, 570]. Более того, скажу, что идея общения – это стержневая, специфицирующая идея русской философии, и по сути это восхождение к человечности.

Артеменко: Коль скоро был затронут вопрос культурно-исторической эпистемологии, позволю себе развернутую реплику и относительно самой феноменологии. Мне здесь видятся три проблемы, три важных момента.

Первый касается возможности институализации философии. Я бы здесь выдвинула тезис, который, наверное, требует отдельного круглого стола. Я, например, всерьез думаю, что феноменологии нужно уходить из университетов и из учебных заведений вообще и что феноменологическое сообщество, чтобы существовать, в такой институализации не нуждается. В свое время Алексей Григорьевич Черняков в интервью незадолго до своей смерти говорил о том, что состояние современной философии таково (имея в виду не в последнюю очередь ее институциональные формы существования), что ей не остается ничего, как оттачивать мастерство предсмертной исповеди.

Второй момент: Михаил Алексеевич ссылался на Ласло Тенгели, а у нас в журнале благодаря стараниям Анастасии Козыревой и Георгия Чернавина было очень интересное интервью с ним опубликовано [Тенгели 2012, 2013]. Вопросы были следующие. Какими Вы видите междисциплинарные перспективы феноменологической философии и, соответственно, будущее феноменологии вообще? Должна ли она оставаться верной трансцендентальному проекту Гуссерля, или же перспективы ее развития находятся сегодня в большей мере в сфере возможного взаимодействия с другими философскими, а также и нефилософскими дисциплинами? В связи с этими вопросами Тенгели предлагает весьма любопытные размышления. И, в частности, он говорит то, с чем я соглашусь, и у Михаила Алексеевича отчасти это прозвучало: феноменологию можно считать основополагающим направлением. Из этого для меня следует, что феноменология – это не столько феноменология «о» (к вопросу «о» междисциплинарности), не столько феноменология психологии, феноменология истории, феноменология

математики и т.д. (философия в родительном падеже), это *только* философия, которая *может и должна* распространяться на предметы. Феноменология как общий философский проект заслуживает дальнейшего развития.

Третий момент: говорят о феноменологии, которая устремлена в будущее, о проекте современной постфеноменологии, о французской феноменологии, о том, как можно апплицировать феноменологический метод к различным областям (Георгий Игоревич, в частности, об этом говорил). А я бы немного развернула в прошлое. Такой провокативный тезис: если предоставить феноменологии статус рода, то этим родовым определением для феноменологии служит то, что она отлична от всякой теории познания, от всякой гносеологии. То есть фундаментальной характеристикой феноменологии является то, что, во-первых, она работает в границах имманентного, то есть является археологией достоверности, а во-вторых, то, что она есть морфологическая наука, в отличие от всех эйдетических наук, в том числе от истории, и это открывает возможность для неисторических интерпретаций Канта или Гегеля, для рассмотрения архитектоники «Критики чистого разума» как аналитики восприятия, для разговора о неклассической феноменологии, например феноменологии Канта как феноменологии воображения, что делает, например, Саулюс Генюшас [Geniusas 2021]. Я бы предложила возможность такой неисторической интерпретации, разворачивающей феноменологию не только в будущее, но и в прошлое.

Белоусов: Реагируя на реплику Натальи Андреевны, я хотел бы взять на себя некоторый риск и сформулировать не то чтобы родовое определение феноменологии – я думаю, что его дать нельзя, потому что феноменология, феноменологии во множественном числе, обладают, выражаясь языком Витгенштейна, скорее семейным сходством, нежели сущностью в Гуссерлевском смысле эйдетических черт, – но некие пункты, которые мне кажутся ключевыми, хотя здесь нужна большая осторожность в идентификации чего-то в качестве феноменологии.

Во-первых, таким пунктом мне представляется снятие различия между явлением и бытием (я не буду вдаваться в вопросы терминологии, это отдельная сложная тема). Бытие равно самообнаружению. И это – важная интуиция: у того, что себя обнаруживает, не остается никакого неподвижного тождественного содержания, которое не было бы затронуто движением вовне. Все вне нас, даже мы сами. И на уровне конкретных описаний это проявляется в том, что самость (если мы избегаем по ряду причин термина «субъект») – это всегда ее открытость миру. А мир, со своей стороны, это только открытость его для нас. Открытость мира – это открытость другим, что делает возможным продуктивный диалог.

Вторая важная интуиция – это сущностная проблематичность самих вещей, интуиция того, что сами вещи проблематичны, а не наши репрезентации этих вещей. Потому что открытость мира, открытость других, взятая во временной развертке, это будущее, которое несводимо к настоящему, то есть это неосуществленность, конститутивная для любой жизни. А из этого вытекает такая важная вещь (хотя, возможно, это не очень удачный термин), как онтологизация проблематического измерения. То есть это вещи, которые проблематичны не для знания, или незнания, или сомнения, но сами по себе – вещи, которые равны своей открытости. Из этого вытекает нечто важное относительно того, что вообще должна делать философия. Феноменологическая философия видит свою задачу, возможно, не в том, чтобы устранить проблему некоторым решением – скажем, была проблема сознания, и мы ее разрешили. Потому что решение – это уничтожение самого феномена, который и *есть* проблема, а не проблема для нас. Задача феноменологии также не в демонстрации иллюзорности философских проблем на манер Витгенштейна, когда мы говорим, что эти проблемы проистекают из непонимания логики нашего языка, – ее задача в том, чтобы просто показать проблему как проблему. Философское учение, о чем, кстати, в свое время говорил Делёз, это только разворачивание вопросов.

Третий момент, на который впервые указал Хайдеггер, – это признание конститутивного значения заблуждения или видимости, что проистекает не из незнания,

не из субъективности как таковой, но заключено в сути самих вещей: феномены, хотя они не скрывают иное, как, например, «вещь в себе», сами скрыты, причем опять-таки не чем-то иным, не не-феноменом, а самими собой. Это значит, что проблемы, которые занимают философа, скрыты в силу своей собственной структуры: именно потому, что они – проблемы, именно потому, что проблемы не полны. Иными словами, подобно тому, как жизнь уничтожается собственной полнотой – снятием неосуществленности в качестве будущего, – так и проблема уничтожается полнотой своего осуществления, полнотой проблематизации, а это означает, что, для того чтобы вообще *быть*, она необходимо должна содержать в себе нечто непроблематическое как то, что *всегда еще не проблематизировано*.

В-четвертых, отсюда вытекает экзистенциальный характер самого исследования – это аргумент против гетерофеноменологии, если угодно, – который требует всегда перспективы первого лица. И действительно, то, что проблематично не для знания, а само по себе, отличает некоторая неотделимость существующего от вопроса о существующем, а это значит, что как феноменолог я не могу ставить какой-то вопрос, не ставя на карту (или под вопрос) себя самого, я не могу задать его отстраненно, в некоей объективистской установке.

И, наконец, в-пятых, это переход от открытости мира к открытости тому, что лежит по ту сторону мира (уже у Гуссерля и Хайдеггера, хотя совершенно по-разному, демонстрируется сущностная связь одного и другого). А открытость тому, что выходит за пределы мира (горизонта), то есть самому миру, есть открытость невозможному или открытость событию, открывающему нас для будущего.

Савин: У меня тоже есть соображение касательно момента, который Наталья Андреевна Артеменко озвучила в начале разговора, а в конце еще и радикализовала, а именно касательно формирования феноменологического движения и способов его институционального существования. С одной стороны, я в целом согласен с ее скепсисом относительно моего тезиса в статье в «Вопросах философии» [Савин 2015], что в нашей стране формируется *единое* феноменологическое движение. Его единство – действительно большой вопрос. С другой стороны, нельзя игнорировать то обстоятельство, что увеличившиеся в числе, обогатившиеся содержательно и с большей интенсивностью работавшие феноменологи все же общались между собой и, таким образом, у них было общее поле разговора. Я бы настаивал на том, что с 1988 г. в стране появляется «широкое» феноменологическое движение. Мне это обстоятельство представляется важным, и я мог бы обосновать этот тезис указаниями на появление определенных научных сетей, определенных периодических изданий и даже определенных вне- и внутриуниверситетских институций, на выход и публичное обсуждение феноменологических монографий на страницах различных философских журналов и т.д.

Молчанов: Я тоже хотел бы возразить Наталье Андреевне. Я считаю, что в современной ситуации феноменология не должна уходить из университетов. Университет, какой бы он ни был, в каких бы руинах ни находился, это единственная институция, где феноменологическая философия может существовать на профессиональном уровне. Американские коллеги меня спросили: «Сколько у вас феноменологов?». Я сосчитал, причем довольно быстро, умножил на неопределенное число и ответил: «Примерно сто». Потом я спросил: «А у вас сколько?». Они считали 5 минут и сказали: «Примерно три тысячи». Многочисленные феноменологические общества существуют во многих странах мира: в Китае, Японии, Южной Корее, разумеется – в Европе. И они не в лесу, как грибы, растут, они же из университетской публики вырастают. Поэтому надо работать в своем университете, нужно создавать институции и школы внутри университетов. У нас, по-моему, один-единственный феноменологический центр в стране, и то, что он единственный – это плохо. Поэтому нужно усиливать преподавательскую работу, заинтересовывать студентов, в процессе преподавания общаться со студентами на языке доступного опыта, так как терминология иногда отпугивает, и если все время говорить на языке «эпохэ», «редукции» и «трансценденции», то у студентов не возникнет ясного сознания того, о чем идет речь. Прежде всего, я пожелал бы всем нам

иметь хороших студентов, аспирантов, магистрантов. У самой Натальи Андреевны был опыт создания магистратуры, но он, к сожалению, не получил продолжения. Так что успехов в исследовательской работе и преподавании!

Щедрина: Я полностью поддерживаю Виктора Игоревича и знаю, что у Георгия Игоревича Чернавина замечательный опыт работы научно-учебной группы в рамках Высшей школы экономики. И я думаю, это тоже имеет отношение к тому, как мы формируем мотивацию. Мотивацию на познание. Это же в наших руках! Мы же должны не разбрасывать, а по крупицам собирать. Я считаю, что это наш долг – создавать вокруг себя пространство для разговора. И когда студенты «дозреют», они поймут и «эпохэ», и «редукцию».

Пружинин: Все участники «круглого стола» высказались о том, что изменилось в отечественной феноменологии за прошедшие 36 лет. И я думаю, мы можем подвести итоги. Прежде всего, журнал благодарен за участие в столь динамичном и сложном мероприятии. Могу сказать, «круглый стол» получился! И главный показатель этого – достаточно четко выраженное представление о перспективах развития феноменологической философии в России, представление, ставшее предметом дискуссии и столкновения мнений, но, именно в силу этого, демонстрирующее живую динамику феноменологических идей. Собственно, выявление такого рода дискуссионности и было целью разговора за круглым столом ведущих специалистов в данной области философской мысли. Такая содержательная дискуссия, раскрывающая возможные пути дальнейшего развития феноменологической мысли, и есть главный итог прошедших тридцати шести лет.

Да, это именно дискуссия. Одни участники видят главное направление в самоуглублении феноменологии, в совершенствовании ее концептуального, терминологического аппарата. И они основательно представили необходимость такого направления разработки феноменологической мысли. Причем дискуссия показала и опасности, подстерегающие на этом пути: превращение феноменологии в некий вид медитации, в способ «утешения» философией (что, кстати, не раз случалось в ее истории). Другие связывают главную перспективу с погружением феноменологических поисков в конкретные социальные и культурно-исторические запросы. И здесь есть опасность: рост дифференциации, так сказать, изводов феноменологической мысли.

Отличительная особенность «круглого стола» 1988 г. – осмысление интеллектуальной, философской потребности в феноменологии в России, готовность конструктивно принять ее в тогдашних обстоятельствах в сферу отечественной интеллектуальной жизни. В нынешней дискуссии отчетливо проявился духовный запрос на идейное, концептуальное, общественно-значимое, если угодно, развитие феноменологической философии в нашей стране в контексте меняющихся исторических реалий.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Бакрадзе 1960 – *Бакрадзе К.С.* Очерки по истории новейшей и современной буржуазной философии. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1960 (Bakradze, Konstantin S., *Essays on the History of Modern and Contemporary Bourgeois Philosophy*, in Russian).

Бородай 1966 – *Бородай Ю.М.* Воображение и теория познания. М.: Высшая школа, 1966 (Boroday, Yury M., *Imagination and Theory of Knowledge*, in Russian).

Какабадзе 1966 – *Какабадзе З.М.* Проблема «экзистенциального кризиса» и трансцендентальная феноменология Эдмунда Гуссерля. Тбилиси: Мецниереба, 1966 (Kakabadze, Zurab, *The Problem of "Existential Crisis" and Edmund Husserl's Transcendental Phenomenology*, in Russian).

Кожев 2006 – *Кожев А.* Понятие власти / Пер. А.М. Руткевича. М.: Праксис, 2006 (Kojève, Alexandre, *La Notion d'autorité*, Russian Translation).

Кожев 2022 – *Кожев А.* Заметка о Гегеле и Хайдеггере / Пер. И.С. Куриловича // Horizon. Феноменологические исследования. 2022. Т. 11. № 2. С. 720–734 (Kojève, Alexandre, *Note sur Hegel et Heidegger*, Russian Translation).

Тынянов 1956 – *Тынянов Ю.Н.* Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1956 (Tynyanov, Yury N., *Selected works*, in Russian).

Феноменология и ее роль 1988 – Феноменология и ее роль в современной философии. Материалы круглого стола // Вопросы философии. 1988. № 12. С. 43–84 (*Phenomenology and Its Role in Contemporary Philosophy. Materials of a Round Table*, in Russian).

Шпет 2007 – Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова // Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2007. С. 323–501 (Shpet, Gustav G., *Inner form of the word*, in Russian).

Шпет 2016 – Шпет Г.Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Часть вторая. Архивные материалы. Реконструкция Татьяны Щедриной / Отв. ред.-сост., вступ. статья, реконструкция Т.Г. Щедрина; коммент., археограф. работа Т.Г. Щедрина, И.О. Щедрина. М.; СПб.: Университетская книга, 2016 (Shpet, Gustav G., *History as a Problem of Logic: Critical and Methodological Studies. Part two. Archival materials*, in Russian).

Gurwitsch, Aron (1957) *Théorie du champs de la conscience. Textes et études anthropologiques*, Desclée de Brouwer, Brügge.

Koyré, Alexandre (1935) “Histoire des idées religieuses dans l’Europe moderne”, *École pratique des hautes études, Section des sciences religieuses. Annuaire 1933–1934*, No. 42 (46), pp. 57–58.

Koyré, Alexandre (1971) *Études d’histoire de la pensée philosophique*, Gallimard, Paris.

Ссылки – References in Russian

Артеменко ред. 2019^a – Феноменология времени / Сост. и отв. ред. Н.А. Артеменко. М.: РИПОЛ классик; Панглосс, 2019.

Артеменко ред. 2019^b – Феноменология и эстетика / Сост. и отв. ред. Н.А. Артеменко. М.: РИПОЛ классик; Панглосс, 2019.

Артеменко ред. 2019^c – Феноменология поэзии / Сост. и отв. ред. Н.А. Артеменко. М.: РИПОЛ классик; Панглосс, 2019.

Бандуровский 2023 web – Бандуровский К.В. О глубинных измерениях языка // Язык и свобода: Международная конференция. 1–16 сентября 2023. Кипарисия. Греция. URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLLNJWSSHJSr-Ts_JX4ZdGD9r864OYxGzi

Михайлов 2023 – Михайлов И.А. Идеология. Экзистенциализм. Феноменология // Историко-философский ежегодник 2023. Т. 38. С. 129–204.

Молчанов 1992 – Молчанов В.И. Парадигмы сознания и структуры опыта // Логос. 1992. № 3. С. 7–37.

Пружинин, Щедрина 2023 – Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Играем в бисер? О достоинстве идеи парадигмы // Вопросы философии. 2023. № 1. С. 84–93.

Савин 2015 – Савин А.Э. Развитие феноменологической философии в современной России // Вопросы философии. 2015. № 1. С. 94–105.

Тенгели 2012, 2013 – Интервью с профессором Ласло Тенгели, Университет Вуппертала. 2 июля 2012 г. / Подгот. и пер. А. Козыревой, Г. Чернавина. Ч. I–II // Horizon. Феноменологические исследования. Т. 1. № 2. 2012. С. 232–247; Т. 2. № 1. 2013. С. 143–156.

Щедрина, Журавель 2022 – Щедрина И.О., Журавель Е.П. Какой эксперт для науки ценен? (К вопросу о типологических характеристиках экспертного знания) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 4. С. 562–571.

Щедрина 2009 – Щедрина Т.Г. Наследие Г.Г. Шпета в контексте современного гуманитарного знания // Вопросы философии. 2009. № 6. С. 177–183.

Щедрина 2013 – Щедрина Т.Г. Продолжение разговора: новые письма Э. Гуссерля Г. Шпету // Вопросы философии. 2013. № 4. С. 112–120.

Щедрина 2019 – Щедрина Т.Г. Судьба шпетовского перевода «Феноменологии духа» (методологические заметки). Письма Леноры Густавовны Шпет Павлу Христофоровичу Кананову. Замечания о правке перевода «Феноменологии духа» Гегеля, сделанные П.Х. Канановым. Шпет Г.Г. От переводчика (черновой автограф). Публикация, предисловие, реконструкция текста, комментарии Т.Г. Щедриной // Вопросы философии. 2019. № 4. С. 79–93.

Щедрина, Журавель, Сабанчеев 2023 – Щедрина Т.Г., Журавель Е.П., Сабанчеев Р.Ю. Трансдисциплинарная исследовательская программа Н.И. Жинкина: внутренняя речь и ее экспериментальные проекции // Вопросы философии. 2023. № 4. С. 60–69.

Horizon 2024 web – Horizon. Феноменологические исследования. 2024. Т. 13. № 1. Аналитическая философия и феноменология. URL: http://horizon.spb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=94&Itemid=141&lang=ru

References

Artemenko, Natalia A., ed. (2019^a) *Phenomenology and Aesthetics*, RIPOL Klassik, Pangloss, Moscow (in Russian).

Artemenko, Natalia A., ed. (2019^b) *Phenomenology of Poetry*, RIPOL Klassik, Pangloss, Moscow (in Russian).

Artemenko, Natalia A., ed. (2019^c) *Phenomenology of Time*, RIPOL Klassik, Pangloss, Moscow (in Russian).

Bandurovsky, Konstantin V. (2023) "On the Deep Dimensions of Language", *Language and Freedom: International Conference*, September 1–16, 2023, Kyparissia, Greece, https://www.youtube.com/playlist?list=PLLNJWSSHSJr-Ts_JX4ZdGD9r864OYxGzi (in Russian).

Di Cesare, Donatella (2015) *Heidegger & Sons. Eredità e futuro di un filosofo*, Bollati Boringhieri, Torino.

Geniusas, Saulius (2021) *Phenomenology of Productive Imagination: Embodiment, Language, Subjectivity*, Ibidem-Verlag, Stuttgart.

Horizon (2024) *Studies in Phenomenology. Analytical Philosophy & Phenomenology*, Vol. 13 (1), URL: http://horizon.spb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=94&Itemid=141&lang=ru (in Russian).

Mikhaylov, Igor A. (2023) "Ideology. Existentialism. Phenomenology", *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik*, Vol. 38, pp. 129–204 (in Russian).

Molchanov, Victor I. (1992) "Paradigms of consciousness and structures of experience", *Logos*, Vol. 3, pp. 7–37.

Pruzhinin, Boris I., Shchedrina, Tatiana G. (2023) "Are We Playing the Glass Bead Game? On the Self-integrity of the Paradigm Idea", *Voprosy filosofii*, Vol. 1 (2023), pp. 84–93.

Richir, Marc (1985) "Mécanique quantique et philosophie transcendante", *La liberté de l'Esprit*, No. 9/10: Krisis, pp. 167–212.

Richir, Marc (2014) *La contingence du despote*, Payot, Paris.

Savin, Aleksey E. (2015) "The Development of Phenomenological Philosophy in Contemporary Russia", *Voprosy filosofii*, Vol. 1 (2015), pp. 94–105 (in Russian).

Shchedrina, Irina O., Zhuravel, Eugeny P. (2022) "What kind of expert is valuable for science? (On the issue of typological characteristics of expert knowledge)", *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, Vol. 38, No. 4, pp. 562–571 (in Russian).

Shchedrina, Tatiana G. (2009) "G.G. Shpet's Heritage in a Context of Modern Humanitarian Knowledge", *Voprosy filosofii*, Vol. 6 (2009), pp. 177–183.

Shchedrina, Tatiana G. (2013) "Continuation of the conversation: new letters from E. Husserl to G. Shpet", *Voprosy filosofii*, Vol. 4 (2013), pp. 112–120.

Shchedrina, Tatiana G. (2019) "The Fate of Gustav Shpet's translation of *The Phenomenology of Spirit* (Methodological Remarks)", *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2019), pp. 79–93 (in Russian).

Shchedrina Tatiana G., Zhuravel, Eugeny P., Sabancheev, Rustam Yu. (2023) "Transdisciplinary Research Program of N.I. Zhinkin: Inner Speech and Its Experimental Projections", *Voprosy filosofii*, Vol. 4 (2023), pp. 60–69 (in Russian).

Tengelyi, Laszlo (2012, 2013) "Interview with Professor Laszlo Tengelyi, University of Wuppertal. July 2, 2012", *Horizon, Phenomenological Studies*, Vol. 1 (2) (2012), pp. 232–247; *Horizon, Phenomenological Studies*, Vol. 2 (1) (2013), pp. 143–156 (in Russian).

Сведения об авторах

ПРУЖИНИН Борис Исаевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии».

АРТЕМЕНКО Наталья Андреевна – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета; заведующая отделом истории феноменологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

БЕЛОУСОВ Михаил Алексеевич – кандидат философских наук, доцент философского факультета Российского государственного гуманитарного университета.

Authors' Information

PRUZHININ Boris I. – DSc in Philosophy, Main Research Fellow of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, editor-in-chief, "Voprosy filosofii".

ARTEMENKO Natalia A. – CSc in Philosophy, Associate Professor, Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University; Head of the Department of the History of Phenomenological Philosophy, National Research Tomsk State University.

BELOUSOV Mikhail A. – CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Russian State University for the Humanities.

ВАСИЛЬЕВ Вадим Валерьевич – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

VASILYEV Vadim V. – DSc in Philosophy, Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Head of the Department of History of World Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

КУРИЛОВИЧ Иван Сергеевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Центр феноменологической философии, Российский государственный гуманитарный университет.

KURILOVICH Ivan S. – CSc in Philosophy, Senior Researcher, Center for Phenomenological Philosophy, Russian State University for the Humanities.

МИХАЙЛОВ Игорь Анатольевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН.

MIKHAYLOV Igor A. – CSc in Philosophy, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

МОЛЧАНОВ Виктор Игоревич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник философского факультета Российского государственного гуманитарного университета.

MOLCHANOV Victor I. – DSc in Philosophy, Chief Researcher at the Department of Philosophy of the Russian State University for the Humanities.

ПАТКУЛЬ Андрей Борисович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии науки и техники Санкт-Петербургского государственного университета.

PATKUL Andrei B. – CSc in Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophy of Science and Technologies of the Saint Petersburg State University.

РЕЗНИЧЕНКО Анна Игоревна – доктор философских наук, профессор философского факультета Российского государственного гуманитарного университета.

REZNICHENKO Anna I. – DSc in Philosophy, professor at the Department of Philosophy of the Russian State University for the Humanities.

САВИН Алексей Эдуардович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); профессор Московской школы управления «Сколково», директор Института феноменологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

SAVIN Alexey E. – DSc in Philosophy, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); Professor of the Moscow School of Management “Skolkovo”; Director of the Institute of Phenomenology, National Research Tomsk State University.

ЧЕРНАВИН Георгий Игоревич – PhD, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

CHERNAVIN Georgy I. – PhD, Professor of the HSE University.

ШЕСТОВА Евгения Александровна – кандидат философских наук, научный сотрудник Центра феноменологической философии Российского государственного гуманитарного университета.

SHESTOVA Evgenia A. – CSc in Philosophy, Researcher at the Center for Phenomenological Philosophy of the Russian State University for the Humanities.

ЩЕДРИНА Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

SHCHEDRINA Tatiana G. – DSc in Philosophy, Leading Research Fellow of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.